

Гребенкин Е.В.,
Епишкина А.А.

Неоконченный портрет

16+

Анна Алексеевна Епишкина
Евгений Валерьевич Гребенкин
Неоконченный портрет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54069227

SelfPub; 2020

Аннотация

Куда исчезла Ева? Известному в своем городе врачу-психиатру Роберту Райту придется ответить на непростые вопросы, которые будут возникать во время сеансов с Максом Фишером, по воле случая оказавшимся вовлеченным в хитросплетения человеческих взаимоотношений. По мере общения с доктором Максимум станет казаться, что эти сеансы не случайны, и тому самому что-то нужно от Макса. Это как-то связано с Евой? Или Макс действительно сходит с ума?

Содержание

Глава первая. 13 апреля 2018 год.	4
Глава вторая. Сеанс первый. 16 апреля 2018 года.	16
Глава третья. Ноябрь, 2017 год.	28
Глава четвертая. Сеанс первый, продолжение. 16 апреля 2018 года.	41
Глава пятая. Ноябрь, 2017 год.	51
Глава шестая. Сеанс первый, продолжение. 16 апреля 2018 года.	68
Глава седьмая. Декабрь, 2017 год.	75
Глава восьмая. Конец декабря, 2017 год.	94
Глава девятая. Сочельник, 2017 год.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава первая. 13 апреля 2018 год.

Дверцы лифта медленно открылись, и Роберт и еще несколько незнакомых людей в строгих, практически одинаковых костюмах зашли в небольшую кабинку. Роберт бросил беглый оценивающий взгляд на свое отражение в зеркальной стене лифта – волосы слегка растрепались, галстук немного сбился в сторону, но в целом выглядел он весьма деловито. Поправив галстук, Роберт нетерпеливо посмотрел на панель лифта. Как назло, кабинка останавливалась на каждом этаже, одни люди выходили, другие заходили. И это показалось ему бесконечным процессом, хотя прошло не больше минуты. Наконец, лифт достиг последнего этажа, и Роберт, с плохо скрываемым раздражением, принялся проталкиваться через всю эту серую офисную массу людей, которые, казалось, не оставили свободного места в и без того тесной кабине. Оказавшись в просторном светлом холле, он уверенным шагом двинулся напрямик к кабинету своего давнего знакомого и, по совместительству, клиента, Марка Гроссмана. Роберт открыл тяжелую массивную дверь из красного дерева, на которой висела позолоченная табличка «Приемная директора», и встретился взглядом с мисс Стилл – секретаршей мистера Гроссмана – которая сидела за своим рабочим столом и разговаривала с кем-то по телефону. Она приветливо ему улыбнулась и взмахом руки пригласила присесть на

диванчик напротив двери, ведущей в кабинет директора. Роберт опустился на мягкую поверхность дивана и, опершись на его спинку, устался на мисс Стилл. Это была женщина средних лет с темными с редкой проседью волосами, собранными сзади в тугой пучок. Ее серые глаза смотрели на мир через тонкие стекла очков в серебряной оправе. Одежда она была в строгий изумрудного цвета костюм, отвечающий, видимо, всем требованиям местного дресс-кода. Смотри на нее, Роберт чувствовал себя несколько неловко в своей несвежей рубашке. Да еще как назло забыл второпях на работе пиджак. Ему казалось, что педантичная мисс Стилл даже периодически бросала на него осуждающий взгляд. Хотя, возможно, ему это только казалось. Мисс Стилл все еще продолжала разговаривать по телефону, и до Роберта ей не было никакого дела. Роберт нетерпеливо заерзал на диване. Он был уже не в силах сидеть в мучительном ожидании, когда его, наконец, пригласят зайти в кабинет. Мисс Стилл положила трубку и обратилась к Роберту:

– Роберт, может быть, желаете чай или кофе, пока ждете мистера Гроссмана? – спросила она, по-дружески улыбаясь.

– А Марк разве не у себя в кабинете? – недоуменно спросил Роберт.

– Нет, у него возникли срочные дела в отделе по кредитованию юридических лиц.

– А вы не знаете, когда он вернется? – спросил он раздосадовано.

Мисс Стилл покачала головой.

– Увы, он бывает весьма непредсказуем. Так вам кофе или чай?

Роберт обреченно вздохнул и попросил чашку мятного чая. Пока мисс Стилл возилась с чаем, он принялся осматривать помещение приемной директора банка. Это была небольшая светлая комната с широким и высоким окном напротив входной двери, рядом с которым располагался стол мисс Стилл. У противоположной стены стоял шкаф, за стеклянными дверцами которого хранилось множество папок и документов. Над диваном висела большая картина, автора которой он не знал, но почему-то был уверен, что видел ее на одной из выставок, на которых ему приходилось изредка присутствовать. Наконец, мисс Стилл подала ему поднос с чашкой ароматного чая и печеньем на тарелочке. С каждым глотком Роберт чувствовал, как ранее нарастающее в нем напряжение сходит на нет. Но что-то глубинное, на которое даже сила мятного чая не действовала, не давало полностью успокоиться. Роберт надкусил печенье – оно оказалось ореховым. В этот же момент он подумал, что в последний раз ел лишь утром, перед работой. И печенье напомнило о зудящем чувстве голода, отдавшееся весьма звучным урчанием в животе. Роберт поспешил сделать еще один глоток чая, чтобы успокоить активизировавшийся желудок.

– Роберт, если не секрет, по какому поводу вы приехали к мистеру Гроссману? – спросила его мисс Стилл, закончив

раскладывать какие-то документы.

Заметив возникшее на лице Роберта напряжение, она поспешила добавить:

– Просто, когда вы позвонили сегодня утром, чтобы договориться о встрече, ваш голос был, как мне показалось, очень взволнованным.

Роберт поставил пустую чашку на поднос и ответил:

– Все в порядке. Просто было много работы. А к мистеру Гроссману у меня деловое предложение.

Мисс Стилл понимающе кивнула, хотя Роберт не был уверен, что его ответ удовлетворил ее ожиданиям. Но озвучивать ей истинную причину своего визита он не собирался. Неожиданно входная дверь приемной распахнулась, и в помещение размашистыми шагами зашел высокий полноватый мужчина пятидесяти лет, с уже поседевшими от постоянных стрессов волосами. Он деловито на ходу поправил галстук и, увидев сидящего на диване Роберта, широко улыбнулся, обнажив два ряда белоснежных зубов, и подошел к нему.

– Рад тебя видеть, друг мой, – пробасил он, похлопывая Роберта по спине своей тяжелой широкой ладонью, от чего тот чуть не поперхнулся. – Пошли в мой кабинет, обсудим все там за бутылочкой отличного брэнди.

Даже если бы Роберт захотел, он не смог бы отказаться от столь щедрого предложения – Марк Гроссман буквально втащил его за руку в свой кабинет. Роберту и раньше доводилось бывать в этом богато обставленном помещении, поэто-

му обилие различных статуэток, картин и наград несколько не удивило его. А сейчас ему и вовсе было не интересно. Роберт сел на стул перед большим дубовым столом, а Марк Гроссман, в свою очередь, занял свое законное место на своем массивном кресле с кожаной обивкой, доставая откуда-то из недр сейфа бутылку дорого брэнди.

– Еще даже не открытая, – с гордостью прогромыхал Марк Гроссман, с нежностью во взгляде рассматривая бутылку. – Мне ее привез один из старых клиентов из Лондона в благодарность за выданный кредит на очень выгодных условиях. Сейчас ведь сам понимаешь – ставки растут как на дрожжах, и мало кто соглашается сбить процент, тем более, для открытия бизнеса. Слишком велик риск. А вот я не побоялся.

Видимо, поняв, что заговорился, Марк Гроссман оторвался от бутылки и перевел взгляд на Роберта.

– Так что у тебя случилось? – спросил он, ставя перед собеседником стакан с брэнди.

Роберт немного отпил и, вернув стакан на стол, ответил:

– У меня есть к тебе весьма деликатная просьба. Не в моих правилах обсуждать медицинские вопросы, связанные с пациентами, но я чувствую, что у меня просто нет выбора. Недавно ко мне на прием пришел молодой человек. Он был очень взволнован и все время говорил о своем друге, который, судя по его рассказу, находится на грани самоубийства.

Марк Гроссман нахмурился, продолжая внимательно, не отрывая глаз, смотреть на Роберта.

– А причем здесь я? – с недоумением в голосе спросил он.

– Этот человек работает у тебя, Марк. И я думаю, ты его знаешь. Его зовут Макс Фишер.

Роберт заметил, как зрачки Марка Гроссмана расширились, а на широком лбу, испещренном множеством глубоких морщин, выступили капли пота.

– Макс Фишер? – недоверчиво спросил он. – Тот, который работает в отделе оформления кредитов?

– Тебе виднее, Марк, где он работает. И ты, как никто другой здесь, знаешь этого человека. Скажи мне, ты замечал за ним странности в поведении? Что-нибудь подозрительное? Повышенную раздражительность или наоборот апатию?

Марк Гроссман задумался.

– Ну в последний раз он был несколько напряжен, иногда забывчив. Но, черт побери, Роберт, мы ведь работаем в банке, с огромными деньгами. Здесь у всех нервы на пределе. И никто при этом не бросается с крыши или под идущий поезд. С чего ты взял, что Макс Фишеру взбрело в голову покончить с собой?

– Мне-то не взбрело. Но вот его друг был весьма обеспокоен его психическим состоянием. И я хотел бы проверить это. Ты мог бы направить его ко мне на консультацию?

Марк Гроссман почесал затылок.

– Это вряд ли, – ответил он, немного подумав. – Я не в праве никого направлять на принудительное лечение, сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Роберт. – И все же, ты мог бы ему порекомендовать меня.

– На каком основании мне своим подчиненным рекомендовать консультацию психолога? – усмехнулся Марк Гроссман, сделав внушительный глоток брэнди.

– Допустим, на основании того, что ты беспокоишься о душевном состоянии своих подопечных. И, к слову, я не психолог, а психиатр.

– Не вижу особой разницы, – бросил Марк Гроссман. – По мне, так вы все искусные промывальщики мозгов.

– Обижаеть, – мягко возразил ему Роберт, отпив немного из своего стакана. – И, тем не менее, мне очень хотелось бы увидеть этого Макса Фишера. Не обязательно у себя на приеме. Скажем, в качестве финансового консультанта. Даже лучше, если он не будет знать, кто я на самом деле.

Марк Гроссман призадумался.

– Хорошо, – ответил он вскоре. – Я устрою тебе встречу с ним. Прямо сейчас. Но пообещай мне, как только ты с ним поговоришь, больше ко мне с такими просьбами не приходи. Идет?

Роберт кивнул и одним глотком опустошил свой стакан. Марк Гроссман последовал его примеру. Оба мужчины одновременно встали со своих мест и направились к выходу из кабинета. Роберт заметил, что Марк двигался довольно грузно, несмотря на напускную бодрость. Да и морщин на лице с их последней встречи прибавилось. «За высокую долж-

ность и большую зарплату приходится платить здоровьем», – подумал Роберт. Они прошли мимо мисс Стилл. Та хотела что-то сказать своему боссу, но мистер Гроссман коротким взмахом руки оборвал ее попытку и, пропустив вперед Роберта, захлопнул за собой дверь приемной. На удивление Роберта, Марк Гроссман уверенными шагами прошел мимо лифта и направился в сторону лестницы. Спустившись на несколько этажей, они оказались в небольшом коридоре. Мимо них прошло несколько серых одноликих сотрудников, вроде тех, с кем Роберту пришлось ехать в лифте. За стеклянными офисными дверьми кипела работа, но Роберт не мог ничего разглядеть – приходилось идти быстро, чтобы поспеть за Марком Гроссманом, который, несмотря на свои внушительные габариты, передвигался как-то уж слишком быстро. Как рыба в воде. Наконец, тот остановился у одной из дверей и, не стучась, решительно вошел в нее. Роберт поспешил за ним. Зрелище, которое открылось его взору, не нуждалось в каких-либо комментариях. Перед ним стоял молодой мужчина с бешеным взглядом и растрепанными волосами, рубашка выбилась из брюк, а галстук свободно висел на шее, раскачиваясь, словно маятник. А напротив него, согнувшись, стоял другой мужчина и держался за нос. Между пальцами сочилась кровь. На несколько секунд в кабинете повисло гробовое молчание. Первым ее прервал хриплый от недоумения голос мистера Гроссмана:

– Что тут, черт возьми, происходит?

Мужчина, который предположительно был «виновником торжества», нервно и даже как-то беспомощно переводил взгляд с босса на своего противника. Остальные его коллеги ошарашено смотрели на мистера Гроссмана, не зная, что ответить. Мистер Гроссман, к которому вернулся его громогласный бас, прогремел:

– Я еще раз спрашиваю, что здесь происходит? Что творится в моем банке? Вы решили здесь бойцовский клуб организовать? Если мне сейчас же не ответите, я вас всех сегодня же уволю! Я вам это гарантирую!

– Ми-мистер Гроссман, – нервно заикаясь, пролепетал один из коллег-зевак. – Это какое-то... недоразумение. Макс... он просто напал на него.

И он указал пальцем на пытающегося остановить кровь коллегу.

– Кто-нибудь, отведите его к доктору! – прогремел мистер Гроссман. – А ты, – он перевел грозный взгляд на мужчину по имени Макс. – Ты сейчас же объяснишь мне, что произошло!

Роберт стоял за широкой спиной мистера Гроссмана и с некоторым сочувствием наблюдал за Максом, взгляд которого теперь уже отражал не безумный гнев, а, скорее, испуг провинившегося подростка. Он тяжело дышал, его ноздри раздувались с такой силой, будто только что пробежал десять лестничных пролетов. Губы его несколько раз нерешительно дрогнули, но не испустили ни звука. Было видно, что в

данный момент найти подходящий ответ он не мог. Роберту даже стало жалко этого беднягу. Мистер Гроссман, видимо, не разделял его чувств, так как спустя некоторое мгновение он вновь прервал гнетущее молчание.

– Ты был отличным работником до последнего времени, Фишер. Но я не потерплю в своем банке рукоприкладства. Сегодня разбитый нос, а завтра что – убийство? Хватит! Сегодня же ты напишешь заявление об увольнении.

Марк Гроссман резко развернулся в сторону двери, но в последний момент помедлил и, повернувшись к Макс, добавил:

– И моли Бога, чтобы на тебя не подали в суд за нанесение вреда здоровью!

Он стремительно покинул кабинет, словно бы не в силах больше терпеть накалившуюся до предела атмосферу. Роберт поспешил за ним. Они молча вернулись в большой кабинет директора, и Марк Гроссман вновь разлил по стаканам брэнди. На его висках пульсировали вены, лицо выражало крайнюю степень напряжения. Он одним глотком опустошил стакан и с громким стуком поставил его на стол. Роберт к стакану на этот раз не притронулся.

– Марк, это и был Макс Фишер?

Марк Гроссман устремил озадаченно-отстраненный взгляд на Роберта.

– В моем банке... Если дело дойдет до прессы... Да еще и перед собранием совета директоров...

– Марк, ты ведь даже не знаешь, что случилось, – мягко прервал нервные размышления директора банка Роберт.

– Да какая разница, что там случилось! – взревел Марк Гроссман и стукнул массивным кулаком по столу так, что часть виски выплеснулась из стакана Роберта. – Ты понимаешь, какой ущерб может нанести судебное разбирательство, если вдруг этот... как там его... да не важно... если тот, кому этот психопат разбил нос, подаст в суд?

– А вдруг он и правда... не в себе? – спросил Роберт. – Вдруг, ему нужна профессиональная помощь? Ты ведь понятия не имеешь, что там случилось на самом деле. Может быть, у этого Макса Фишера какие-то... ммм... психологические проблемы. Тут без профессионала не обойтись.

– Верно, – ответил мистер Гроссман с волнением в голосе. – Надо позвонить Михельсону. Он отличный адвокат. Не раз выручал меня дельным советом.

– Да нет же, – с напором прервал его Роберт. – Ты не понял. Я говорю не об адвокате, а о психиатре.

– Да чем мне поможет чертов психиатр? – вновь взорвался Марк Гроссман, наливая очередную порцию виски. – Сотрет память всем свидетелям той драки? Или вернет время вспять?

– Мне кажется, ты торопишься увольнять его, – спокойно ответил Роберт. – Если вдруг выяснится, что это случилось на фоне нервного перенапряжения из-за повышенной нагрузки на работе, а ты его еще и уволил... Марк, тогда у

тебя могут возникнуть серьезные неприятности. И никакой Михельсон тебе не поможет.

Вены на висках Марка Гроссмана запульсировали еще активнее. Кажется, что сейчас его голова лопнет от мыслительного процесса. Наконец, он ответил:

– С завтрашнего дня отправляю его в бессрочный отпуск. Делай с ним, что хочешь. Но без справки о полном психическом здоровье я его близко к банку не подпущу. Теперь это твой пациент, как ты и хотел.

Глава вторая. Сеанс первый. 16 апреля 2018 года.

– Мистер Фишер, пожалуйста, подождите. Доктор Райт вас вызовет, – приятно улыбнувшись, обратилась к Максу молоденькая медсестра, и вновь вернулась к своим бумажным делам.

Макс Фишер в попытке улыбнуться в ответ с трудом поднял уголки рта, однако такая «улыбка» напоминала скорее маску мученика, нежели акт взаимной любезности. Тем не менее, это уже не имело никакого значения – никто на его улыбку не обратил внимания, и Макс уселся в удобное кресло напротив кабинета психиатра, к которому он был записан на два часа дня. «Еще пять минут», – подумал про себя Макс. Он окинул помещение взглядом, стараясь найти здесь что-нибудь любопытное. Однако, вокруг не нашлось ничего примечательного, кроме, разве что, довольно большого прямоугольного аквариума, стоящего у стены напротив окна. В нем плавало несколько рыбок разного размера и цвета, в которых Макс, однако, ничего не понимал, и они ему показались довольно скучными. Он перевел взгляд на медсестру. «Интересно, она его любовница?». Молодая девушка, весьма симпатичная, с красивой фигурой, приятными чертами лица и не обделенная обаянием, сидела за своим

столом и набирала какой-то текст на компьютере, периодически записывая что-то в журнал. На ее лице не было ни тени напряжения или усталости. Казалось, работа доставляет ей удовольствие, или, хотя бы, просто не утомляет. «Счастливый тот, кто нашел работу по душе», – подумал Макс. Наконец, дверь кабинета врача распахнулась, и в дверном проеме показался сам доктор Райт. Макс готов был поспорить, что где-то он его раньше видел. Это был высокий, подтянутый мужчина лет сорока пяти, с несколько высокомерным взглядом, который, кстати, присущ многим людям его профессии. Его темные волосы уложены назад, а рот окаймляет аккуратная испанская бородка. Он был одет в белоснежный халат, под которым виднелись такая же белоснежная рубашка, синий в золотую полоску галстук и синие брюки. Его коричневые туфли были начищены до блеска, а на левом запястье красовались серебряные часы марки Омега с кожаным ремешком. Было видно, что доктор Райт большое значение придает своему внешнему виду. От него веяло приятным освежающим ароматом дорогого парфюма. Доктор Райт приветливо улыбнулся Макс и пригласил его войти. На этот раз Макс не стал улыбаться в ответ, дабы вновь не оконфузиться, и, слегка переваливаясь с ноги на ногу, направился к кабинету. Доктор Райт сказал что-то медсестре, а та, внимательно выслушав, кивнула и сделала пометки в своем журнале. Макс зашел в кабинет и остановился, почему-то не решаясь сесть. Здесь было просторно, довольно светло, и в то

же время какое-то странное чувство одолевало Макса. Это был не обычный кабинет врача, в которых ему, хоть и крайне редко, но все же доводилось бывать. Не было здесь большого письменного стола, заваленного медицинскими картами и другими документами. Не было и всяких медицинских приборов, типа тонометра или светящейся доски, на которой врачи изучают рентгеновские снимки. У боковой стены стоял деревянный шкаф, за стеклянными дверцами которого покоилась разного рода медицинская литература. Сбоку от него – высокое, почти до потолка, зеркало. В центре комнаты – два мягких кресла-мешка, стоящие друг напротив друга. Возле одного из кресел стоял маленький столик, на котором лежали включенный ноутбук, блокнот, ручка и телефонная трубка. «Видимо, в этом кресле сидит доктор Райт», – подумал Макс. У другой стены, что напротив книжного шкафа – небольшой диванчик, сбоку от которого красовалось довольно высокое растение, раскинувшее свои широкие листья над диваном. В углу на еще одной столике стоял аквариум, в котором маленькие разноцветные рыбки энергично двигались, заплывая в декоративную пещеру, или кружась вокруг макета затонувшего корабля. На стенах висело множество дипломов, лицензий и других документов, подтверждающих право доктора Роберта Райта заниматься медицинской деятельностью, указывающих на его достижения и заслуги. Их было не мало, судя по количеству таких документов в рамках, но Максу было не интересно.

– Вам здесь нравится? – приветливо спросил доктор Райт. Макс от неожиданности вздрогнул.

– Я люблю рыбок, – продолжил тот, не дожидаясь ответа от Макса.

«Я заметил», – подумал Макс, вспомнив большой аквариум в холле.

– Они невероятно успокаивают, вдохновляют и способствуют мозговой деятельности, – продолжал доктор Райт. – Я как раз сейчас пишу об этом статью в журнал. Надеюсь, мои доводы окажутся убедительными для большинства людей, и они решат обзавестись этими чудесными питомцами.

Макс снова промолчал. Ему было неинтересно обсуждать рыбок и других животных. Ему вообще не хотелось идти к врачу. Он здоров! Но мистер Гроссман, можно сказать, заставил его это сделать. Какого черта? Неужели он думает, что ему станет легче от пустого трепа? К тому же, еще и стоившего ему сотни баксов!

– Мистер Фишер, присаживайтесь, – пригласил его Роберт, указав ладонью на кресло напротив своего. – Давайте обсудим, что вас беспокоит.

Макс нехотя сел. Кресло оказалось таким мягким и глубоким, что ему показалось, будто он в нем тонет. В таком кресле было жутко неудобно сидеть. Голова оказалась ниже колен, и ступни сразу же потеряли твердую опору, поэтому весь вес сместился к задней точке. Руки, словно макароны, свисали с боковых поверхностей кресла, и никак не

могли помочь Максу хоть немного улучшить свое положение. Наконец, кряхтя и барахтаясь, Макс все же умудрился расположиться более-менее удобно в этом «желе». Доктор Райт, тем временем, с легкостью уселся в свое кресло-мешок и взял со стола телефонную трубку.

– Какой кофе предпочитаете? – спросил он Макса.

Макс пожал плечами.

– Тогда я закажу нам ванильный капучино. Лора, два твоих фирменных ванильных капучино, пожалуйста, – сказал он в телефонную трубку, видимо, обращаясь к медсестре.

Макса передернуло. Ванильное капучино... От этих слов его бросило в жар, сердце бешено застучало. Какого черта... От нахлынувших мыслей его прервал голос доктора Райта.

– Итак, вернемся к нашему разговору, если вы не возражаете. Почему вы здесь, мистер Фишер?

Макс замялся. Он точно не знал, с чего начать. Столько всего произошло...

Видя его замешательство, доктор Райт предпринял попытку разговаривать своего пациента.

– Мистер Фишер, будет лучше, если вы расслабитесь и начнете с самого начала, – невозмутимо продолжил говорить доктор Райт, при этом откинул блокнот и взял ручку. Все это напоминало Максу сцены из дешевых фильмов.

– Меня зовут Макс Фишер, и я здесь, чтобы от меня отстали. У меня нет проблем, и я не хочу быть здесь, – отчеканил Макс.

В кабинете повисла тишина. Роберт Райт сделал запись, и вновь устремил изучающий взгляд на Макса, который сделал очередную безуспешную попытку изменить положение в кресле-мешке. Спустя пару минут тишина стала невыносимой. Доктор Райт, поднявшись со своего кресла, подошел к шкафу, достал оттуда одну из книг, вернулся в кресло и начал с несколько демонстративным интересом ее листать. Макс изумленно и недовольно смотрел на невозмутимого доктора. Почувствовав взгляд Макса, Роберт Райт оторвал взгляд от книги и первым нарушил тишину.

– Мне так нравятся пациенты, которые предпочитают на моих сеансах молчать, – продолжал доктор Райт. – Мне ведь платят за время, а не за количество сказанных слов, что, в данном случае, оказывается весьма выгодным для меня.

Макс чувствовал, что уже не может терпеть этого самодовольного засранца.

– У меня проблемы на работе, – выпалил он. Не самое лучшее начало, но, это все, что пришло ему в голову. Точнее, это все, что он смог более-менее внятно сформулировать.

– Но ведь это не самая большая проблема, – мягко улыбнулся доктор Райт. – Сейчас нет дефицита рабочих мест, любой может найти себе неплохую, хорошо оплачиваемую работу, если ему не нравится старая. Где вы работаете?

– В банке, – сухо ответил Макс.

– Хм...интересно. Мне всегда казалось, что в банках крутятся большие деньги, и поэтому работать там – одно удо-

вольствие. Кстати, какие у вас отношения с коллегами?

– Прекрасные, – сухо ответил Макс, хотя это не совсем соответствовало действительности.

– А можно добавить немного подробностей? – с интересом спросил доктор Райт.

Проработав несколько лет в банке Американ Экспресс, он не успел завязать тесных дружеских отношений ни с кем из своих коллег. Было среди них несколько человек, с кем можно было обсудить последние новости за чашечкой кофе в обеденный перерыв, но во внерабочее время их пути редко пересекались. Ну и Эмили Рихард, конечно. Стерва! Именно она в последний момент увела у него из под носа должность начальника отдела после встречи с шефом. «Знаю я, что она там делала! Была бы боссом какая-нибудь тетка, я бы сам стал начальником отдела», – подумал про себя Макс. В принципе, был один человек, к которому Макс питал дружеские чувства. Дженнифер Смит, которая работала в отделе статистики, а этот отдел находился на другом этаже большого здания банка. Поэтому, виделись они довольно редко. И хотя Дженнифер была молодой, симпатичной и, кажется, свободной девушкой, Макс относился к ней лишь как к приятному собеседнику, с кем можно было обсудить очередное дурацкое нововведение шефа или промыть кости кому-нибудь из коллег. А как коллеги относились к Максусу, его это мало интересовало. Макс не был человеком, который будет стараться понравиться всем и каждому. Наверное, поэтому

его редко приглашали в гости на ужин или в боулинг. Но Макса это не расстраивало. Больше, пожалуй, о своих взаимоотношениях с коллегами ему нечего было сказать.

– Я предпочитаю не заводить дружеских отношений с коллегами по работе, – заключил Макс.

– Возникали ли у вас конфликты с коллегами? – не унимался доктор Райт.

– Вчера разбил одному нос, – просто сказал Макс.

– Что заставило вас это сделать?

Макс уже хотел выпалить «Он, как и вы, совал его, куда не следует», но в последний момент осекся и просто молча пожал плечами.

– Хорошо, – задумчиво произнес доктор Райт. – К этой теме мы еще успеем вернуться. С вашими коллегами мне все более-менее ясно. А что насчет вашего шефа? Кто он? Как бы вы могли охарактеризовать этого человека? Что вы о нем думаете?

«Шеф... засранец!», – подумал Макс, но в слух не сказал. Он ничем не отличался от других шефов, хотя других начальников в жизни Макса, в общем-то, и не было. Как и положено шефу, основная его задача заключалась в том, чтобы систематически вмешиваться в дела хороших людей и всячески мешать им работать. Каждую неделю выходило очередное идиотское нововведение из разряда «с сегодняшнего дня запрещено пить чай, кофе и другие напитки на рабочем месте!», или «С целью повышения работоспособности каж-

дый день в течение десяти минут вашего обеденного перерыва с вами будет заниматься инструктор по фитнесу!»». Ну что за бред? Они что, школьники какие-то? А сколько раз Макс приходил к шефу с просьбой о повышении зарплаты, а тот лишь издевательски улыбался и говорил, что о повышении зарплаты в настоящее время и речи быть не может, а если что-то не нравится, то можете искать любой другой банк. И даже однажды посоветовал Максу взять кредит в его же банке по специально для сотрудников заниженному проценту! Сволочь! Зато сам каждый год с женой улетает отдыхать на Карибы или Мальдивы. А его дом, точнее двухэтажный особняк в элитном районе города, где живут только самые крутые шишки, просто поражает своей роскошью. Макс никогда там не был. Но по рассказам редких очевидцев, убранство в доме больше напоминало музейные выставки. Дорогие картины, статуэтки, даже фонтан во дворе! И у нет возможности повисить зарплату Максу всего на пару сотен баксов! Разве он много просит? И лишь недавно ему, Макс, удалось немного подняться по карьерной лестнице – но чего это стоило?

Макс, конечно, не стал ничего из этого выкладывать доктору Райту, а просто пожал плечами и промямлил что-то вроде: «Думаю, ничего особенно не могу сказать о нем... Шеф как шеф... Мало с ним общаюсь». Ясное дело, что если мистер Гроссман отправил его к доктору Райту, то между ними если не дружеские отношения, то, наверняка, теп-

лые и доверительные, и есть вероятность, что все сказанное Максом может быть передано его шефу. С вытекающими из этого всего печальными для Макса последствиями. Хотя куда еще печальнее. Тем не менее, Макс предусмотрительно решил держать язык за зубами и быть весьма осторожным в высказываниях.

– Что-то скрываете, – слегка прищурившись, отметил доктор Райт. – Вас связывают с ним какие-то неприятные воспоминания?

– Нет, – медленно покачал головой Макс. – Просто, и вправду, совершенно нечего сказать. Я не вхожу в круг его приближенных, мой отдел находится далеко от его кабинета, и я редко у него бываю.

– Ладно, я вас понял, – улыбнулся доктор Райт и что-то записал в блокноте. – А как у вас обстоят дела в личной жизни, мистер Фишер?

– Вы хотите узнать что-то конкретное? – спросил Макс.

– Ну, для начала поговорим о друзьях. У вас есть друзья?

– Есть, – бросил Макс.

Да, один друг действительно есть. Стивен Дуглас. Они дружат с незапамятных времен. Еще когда пошли вместе в школу, списывали друг у друга контрольные, вместе поступили в колледж. Но затем их пути немного разошлись. Макс остался в родном городе, а Стив уехал учиться в Чикаго на юриста, но каждые каникулы возвращался, и окончательно осел в родном городе после завершения обучения в универ-

ситете. Получив диплом и лицензию, стал работать помощником адвоката в местной адвокатской конторе. Затем, обзаведясь необходимыми навыками и рекомендациями, занялся собственной адвокатской практикой, расширил клиентуру, и, кажется, его дела шли в гору. Несмотря на свою занятость, они договорились встречаться каждым субботним вечером в баре, в котором часто, еще во времена после окончания колледжа, любили посидеть за кружечкой-другой пива и обсудить дела насущные, вспомнить прошлое и поделиться планами на будущее. Стив был женат на Оливии Хендрикс, которая, взяв фамилию мужа, стала Оливией Дуглас. Она была домохозяйкой, но до этого подобный оседлый образ жизни ей был абсолютно не свойственен. Стивен встретил свою будущую жену в стриптиз-клубе, где та танцевала на шесте, и ему она так понравилась, что он сразу сказал: «Я на ней женюсь». Сначала Макс принял его слова за очередную пьяную шутку. Тот часто по пьяни выдавал какой-нибудь перл или «блестящую» идею. Но когда в один прекрасный день Стив позвонил Максу и сообщил «отличную новость» о том, что он женится «на той танцовщице, помнишь?», Макс прошел все стадии отрицания, но в конечном итоге решил не отговаривать друга. В конце концов, это его жизнь, его счастье, и не ему, Максу, решать за него. В итоге, они вместе уже пять лет и вполне счастливы семейной жизнью. Оливия, конечно, больше не танцует, но продолжает усердно следить за своей фигурой, и, как подозревал Макс, периодически демонстри-

рует свои танцевальные навыки своему мужу по вечерам в спальне.

– И все же, мистер Фишер, мне до сих пор остается непонятным, с чего же именно начались все ваши проблемы?

Макс запрокинул голову и устремил взгляд к потолку, будто пытаясь найти там ответ на вопрос. Но белая ровная поверхность потолка оставалась абсолютно чистой. Спустя полминуты Макс вновь посмотрела на доктора Райта и задумчивым голосом ответил:

– Думаю, что все началось с того дня, когда в моей жизни появилась...она.

Глава третья. Ноябрь, 2017 год.

Этот день у Макса начался как и любой другой, не считая одного существенного нюанса – не нужно было идти на работу. Сегодня был внеочередной выходной, которым щедро одарили всех работников банка, учувствовавших в «большом квартальном аудите». Несмотря на это, проснулся Макс, как обычно, в половину седьмого утра, хотя с вечера специально отключил будильник, чтобы как следует выспаться. Солнечные лучи ярко освещали его спальню, пробиваясь сквозь щели неплотно закрывающихся жалюзи, которые придавали комнате несколько офисный вид. В ней не было ничего лишнего, что часто можно было встретить в квартирах у большинства людей. Что-нибудь из разряда «милой статуэтки», красивого светильника, сувениров, привезенных из других стран. Напротив, Макс предпочел обставить свою квартиру в стиле минимализм. Двухспальная кровать, тумбочка, шкаф для вещей и стол со стоящим на нем компьютером заполняли пространство спальни. Голые стены, покрытые светло-голубыми обоями, еще больше придавали спальне вид рабочего кабинета. Макс потянулся и нехотя вылез из постели. Следуя своему утреннему обряду, он принял освежающий душ и побрился, одновременно прикидывая список дел на сегодня. Он знал, как с пользой провести сегодняшней выходной день. Можно сказать, Макс относился к тем

людям, которые при любых обстоятельствах стараются всегда действовать по заранее составленному плану, не отклоняясь от пунктов. Вот и сейчас, одевшись, он пошел на кухню, чтобы приготовить себе завтрак. Обычно его утренний рацион составляют либо яичница с беконом, либо овсянка, иногда дополненные бутербродом с сыром или колбасой. И, конечно, чашечка свежесваренного кофе. Он уже привык завтракать в одиночестве. Иногда тишину разбавляла приглушенная музыка, которую он включал для создания атмосферы. А иногда компанию ему составлял кот Барт, чья миска была всегда полна и стояла недалеко от кухонного стола. Вот и сегодня Барт, довольно урча и чавкая, с удовольствием уплетал овощное рагу. Макс подумал о том, что, наверное, было бы неплохо пить утренний кофе вместе с любимым человеком, делиться планами на день и желать друг другу удачи. Но память до сих пор саднила неприятными воспоминаниями о его прошлых отношениях, которым не суждено было продлиться больше трех месяцев. Увы, как говорится, — не сошлись характерами. Точнее, представлениями о чистоте и порядке в доме. Еще будучи мальчиком, он всегда складывал все свои вещи в отведенное им место, в шкафу его царил идеальный порядок, а когда вырос и стал работать, на рабочем столе никогда не лежало лишнего листа бумаги. У его последней девушки был более свободный взгляд на этот вопрос. Она могла смело оставить чашку с недопитым чаем на столе, даже не поставив ее на подставку, при этом на

поверхности стола в итоге оставалась жирная круглая отметина! Ее вещи чаще всего лежали там, где она их оставляла. Поначалу может показаться, что висящий на спинке стула лифчик – это весьма привлекательно и даже немного эротично, но спустя месяц Макса подобные «признаки женского присутствия» стали сильно раздражать. Он неоднократно просил ее прекратить так делать, но она лишь посмеивалась и отмахивалась. В итоге, через пару месяцев, не выдержав, Макс с ней расстался. И его порядок в доме и ритм жизни вновь приобрели привычный вид «жизни по расписанию».

После завтрака настало время домашних дел. Нужно было прибраться в квартире, постирать одежду, заменить, наконец, сломанную розетку в гостиной, и сделать еще несколько дел, которые всегда откладывались на потом из-за нехватки времени и желания. Макс думал, что потратит на это весь день, но ошибся. Уже к трем часам он закончил всю домашнюю работу, и в награду за свои труды решил прогуляться и, возможно, зайти в какое-нибудь кафе. Идея с кафе показалась Максиму неизбежной, так как промозглый ноябрьский ветер не давал насладиться прогулкой. Еще Макс подумал о своем лучшем друге Стиве, который, к сожалению сегодня работал. Будь у него сегодня тоже выходной, завалились бы вместе в какой-нибудь паб пропустить пару стаканчиков виски, поболтали о работе, о футболе, о симпатичных барышнях, сидящих за барной стойкой или соседним столиком.

Макс никогда остро не ощущал дефицита в общении. Се-

мейной пары Дугласов ему было вполне достаточно. «Разве настоящих друзей может быть больше одного?!» – частенько восклицал он, на что Стив добавлял: «в двухместной лодке». И как бы Макс Фишер ни отрицал свое одиночество, в глубине души он был катастрофически одинок.

Спустя двадцать минут холодный ветер начал уже невыносимо щипать лицо и сковывать пальцы. «Необходимо срочно найти какое-нибудь кафе или любую другую приличную забегаловку, или я рискую отморозить себе пальцы», – подумал Макс. Он бросил взгляд на противоположную сторону улицы и увидел приятное на вид заведение с яркой вывеской «Hot&Strong». Перейдя дорогу и подойдя ближе, он почувствовал приятный, несколько пряный запах выпечки и манящий аромат кофе. Макс спешно зашел внутрь и остановился, окидывая оценивающим взглядом помещение. Оно мало отличалось от других кафе, в которых ему доводилось быть. Светлые стены, круглые деревянные столики с солонкой, перечницей, сахарницей, салфетками и набором зубочисток. Высокие окна с низкими и широкими подоконниками. Дополняли интерьер фотографии с довольными посетителями и картины с преимущественно гастрономической тематикой. У противоположной от двери стены располагалась небольшая барная стойка и прилавки, уставленные всевозможными пирожными и тортами, а также сэндвичами и салатами. Макс сел за столик напротив барной стойки, и рядом с ним тут же оказалась официантка, протягивая меню.

Макс внимательно изучил страницы с кофе, и его удивило обилие незнакомых ему названий. В итоге он заказал привычный двойной американо. Рассматривая зал, его взгляд невольно останавливался на парочках, и Макс становилось не по себе. Последние месяцы его не покидала мысль, что у него, возможно, слишком завышенные требования к девушкам. Хотя сам он был далек от идеала. И, по всей видимости, ему уже необходимо, наконец, выбрать себе спутницу, пусть не идеальную, но подходящую для счастливой совместной жизни. Ведь ему уже тридцать лет. Все его знакомые давно обзавелись семьями, у некоторых даже дети появились. А он сидит здесь, один, абсолютно свободный и жаждущий познакомиться с красивой девушкой и построить с ней серьезные отношения.

«Наверное, это все не для меня», – подумал Макс, глядя через окно на проходящих мимо людей. – «Возможно, я отношусь к тем людям, которые не созданы для семейной жизни. Что ж, они тоже неплохо живут».

– Ваш кофе, – прервала его мысли официантка и поставила чашку на столик.

С заказанной им чашкой двойного американо в качестве приятного бонуса принесли печенье с предсказанием – приветственного жеста от заведения. И официантка, приятная девушка, подмигнув, заверила его, что спрятанное там предсказание обязательно сбудется. Макс надломил его, ровно посередине, и там действительно оказалась аккуратно сло-

женная бумажка. Он, признаться, даже не собирался придавать этой глупости никакого значения. Какая разница, что там написано. Все-равно, никогда не сбудется – плохое или хорошее. Но вязкая мысль, словно зудящая муха, засела в его голове и не давала покоя. Он то и дело бросал беспокойный взгляд на лежащую на краю стола пресловутую бумажку, и рука сама норовила развернуть ее и поднести к глазам. Наконец, не выдержав, Макс тяжело вздохнул и, понимая откровенную бессмысленность и даже глупость затеи, все же взял предсказание и прочитал его. Красивым, почти каллиграфическим, почерком там было начертано:

«Оглянись – твоя любовь рядом с тобой».

Макс фыркнул. «Я так и знал, ничего интересного – очередная чушь для привлечения клиентов, замануха для дурачков».

Но все та же муха вновь беспокойно зашевелилась и зажужжала. Макс сидел и продолжал пить свой кофе, но не получал ни наслаждения, ни мало-мальского удовлетворения от процесса. Чего-то не хватало. Он бросил взгляд на предсказание. *«Оглянись – твоя любовь рядом с тобой».* Жужжание назойливой мухи в голове теперь дублировало слова предсказания, как бы вынуждая Макса совершать вращательные движения головой в поисках... чего? Любви? Наивно полагать, что все это время Максимуму только и нужно было, что повертеть головой, – и вот она, любовь! Какая глупость. И все же... а что, если...?

Теперь им управлял не холодный разум, не зашоренный взгляд. Нет, на этот раз это была какая-то странная сила внутри, словно внутренний голос, управляющий головой и направляющий взгляд именно туда, куда требовалось прямо здесь и сейчас.

И тогда он увидел ее! И как он раньше ее не заметил?! За столиком возле панорамного окна сидела ОНА.

Мысли летали, как пчелы в улье. Интересно, она давно здесь сидит?

На вид ей было не больше тридцати, и она была невероятно красива! Длинные, несколько волнистые, медово-рыжие волосы, мягко спадающие на тонкую талию, выразительные глаза с длинными ресницами, утонченные черты лица... А фигура! С такой-то фигурой, наверняка, она либо актриса, либо модель! Красавица была в зеленом платье, и, в отличие от большинства девушек, сидевших вокруг, она не копалась в телефоне, а читала электронную книгу, пока ждала заказ. Видимо, почувствовав внимание Макса, она обернулась, и их взгляд на секунду встретился. И ее глаза цвета изумруда проникли глубоко внутрь... Если бы она жила в средневековье, ее бы наверняка сожгли как ведьму, ведь одним своим видом она смогла обжечь душу.

Макс быстро отвел глаза, сердце его при этом бешено заколотилось... Он просто обязан с ней познакомиться! Даже если она его отошьет, не обратит на него никакого внимания или засмеет, – зато он попытается, и его совесть будет чиста

перед самим собой!

Только он настроился, собрал из недр своей души всю храбрость и уверенность, как вдруг раздался звонок мобильного. Какого черта! Ну кому он понадобился в свой выходной день?! Он посмотрел на экран – конечно, это был шеф.

– Алло, мистер Гроссман, что-то случилось? – спросил он, надеясь, что единственная причина звонка – это либо новость о его внеочередном повышении в должности, либо о прибавке к зарплате.

– Фишер, ты где? – раздался скрипучий голос шефа. – Где тебя носит? Куча работы, горы документов неразобранных! Отчет сам себя не напишет!

– Но сэр, у меня сегодня выходной! Вы же сами его предоставили, – проямлил он, понимая, однако, что возражения и объяснения совершенно бессмысленны.

– Если к сегодняшнему вечеру отчет не будет лежать у меня на столе, твой выходной растянется до конца жизни! – рявкнул Гроссман и положил трубку.

Макс Фишер обреченно посмотрел сначала на экран телефона, потом перевел взгляд на девушку, которая беспечно наслаждалась компанией книги, чашечки кофе и маффина, и вздохнул. Придется идти в офис. В свой выходной.

Макс работал в банке в отделе оформления кредитов. «Легализованное рабство» – так он называл систему кредитования. Людям вешают лапшу на уши, что только с кредитом они смогут приобрести все, что им нужно для счастья.

А люди, тем временем, берут не по одному кредиту, чтобы купить всякое на самом деле ненужное, но дорогое барахло, а потом много лет выплачивают банку долги на радость владельцам этих банков, которые действительно за счет этого получают возможность приобретать все, что им нужно для счастья... и даже больше. Макс это понимал, и ему не нравилось то, чем он вынужден заниматься, предлагая людям эти кредиты. Но он давно уже договорился со своей совестью. Ведь он не принуждает людей, не приставляет пистолет к их виску. Нет, люди просто приходят и берут кредит, выплачивают его, и снова берут. И так всегда. Каждый день одно и то же. Тем временем, близится конец года, а это значит, что надо писать годовой отчет о проделанной работе. Конечно, за сегодня Макс его не напишет. Да и не должен – у него еще в запасе пара недель. Но сегодня он должен, как выяснилось, предъявить боссу квартальный отчет (хотя еще на той неделе речь шла о большем сроке). Макс вышел из кафе, бросив прощальный взгляд на желанную им рыжеволосую красавицу (к слову, та не обратила на него никакого внимания и продолжала пить кофе, не отрывая взгляда от электронной книги). На улице было холодно, шел мокрый снег, толстым слоем покрывая дороги и тротуары. Банк находился не очень далеко от кафе, где Макс только что наслаждался чашечкой кофе и видом на прекрасную девушку. Видимо, он ее больше никогда не встретит. Это был отличный шанс с ней познакомиться. И он его профукал. Не по своей вине, но по

воле обстоятельств. Может быть, оно и к лучшему. Зато, его не отшили, не засмеяли, не выставили дураком. Как тогда, когда он года четыре назад пытался познакомиться с девушкой в ресторане. Он помнил, как увидел ее, сидящую в одиночестве за столиком, и решил к ней подсесть, как вдруг в самый неподходящий момент откуда ни возьмись возникли ее подруги. Они оценивающе на него посмотрели, и одна из них спросила, в каком Секонд Хэнде он купил свою рубашку, и громко засмеялась. Та девушка тоже рассмеялась. Он запомнил это надолго. Больше он эту рубашку никогда не надевал, хотя, надо заметить, что она была куплена не в Секонд Хэнде, а в фирменном магазине. Да даже если и в Секонде, что тут такого? Чушь какая-то. Как можно оценивать человека по одежде? Тем более, он всегда уделял серьезное внимание своему гардеробу, и его тогда очень удивила реакция девушек. «Видимо, им просто не к чему было придраться», – успокаивал он себя.

Наконец, Макс дошел до здания банка и вошел в помещение. Его офис находился на шестом этаже, где помимо него работало еще шесть человек. Макс поздоровался с Тэдом, охранником, дежурившим у входа. Тэд сидел на стуле за своим столом и читал книгу. «Наверное, очередной детектив», – подумал Макс. Он знал, что Тэд в прошлом был полицейским и грезил стать детективом, раскрывать сложные дела и ловить опасных и хитрых преступников. Но его мечтам не суждено было сбыться. Из-за автомобильной ката-

строфы Тэд получил черепно-мозговую травму и даже пролежал три дня в коме, но, к счастью, его спасли. Однако, по медицинским показаниям служба в полиция была ему противопоказана. Его отправили на пенсию, и теперь Тэд работает охранником и продолжает грезить о работе детектива, запоем читая об их приключениях, хоть и вымышленных, пытаясь еще вначале книги разгадать, кто же все-таки убийца. Порой казалось, что его вовсе не интересует, кто заходит в здание банка и выходит, однако его зоркий глаз всегда видел, что происходит вокруг него, и редко, когда его можно было застать врасплох. Настоящая полицейская хватка.

С работой Макс, на удивление, закончил довольно быстро – всего за полтора часа. Отдав отчет секретарше мистера Гроссмана, он поспешил вернуться в свой кабинет, чтобы одеться и уйти домой в надежде закончить выходной день на позитивной ноте. На улице уже стемнело, и стало заметно холоднее. На часах семь часов вечера. Еще можно было успеть скрасить свой вечер у телевизора с бутылкой пива. Макс зашел в ближайший супермаркет и направился в алкогольный отдел. Проходя мимо полок со сладостями, он, полностью погруженный в собственные мысли, внезапно с кем-то столкнулся. Повернувшись, чтобы извиниться, он увидел перед собой девушку из кафе. Макс был настолько удивлен и, одновременно, обескуражен, что у него даже от волнения перехватило дыхание. Он смотрел на нее, как громом пораженный, не в состоянии вымолвить ни слова. Она слегка

улыбнулась и извинилась за свою неуклюжесть. Макс промычал в ответ нечто невнятное и тоже попытался изобразить на лице что-то похожее на улыбку. Девушка хихикнула и продолжила изучать содержимое конфетных полок. У Макса в голове разыгрался целый оркестр мыслей и чувств. «Ну что ты медлишь, дурак, это твой шанс!». «Да забудь ты про нее, ты не ее поля ягода!». «Ты идиот? Она вот прямо напротив тебя стоит! Даже первая заговорила! Скажи ей что-нибудь!».

– Эмм...вы любите батончики Сникерс? – промямлил Макс. – По-моему, они очень сладкие.

«Что ты несешь?», – раздалось у него в голове. «Разве так надо начинать знакомство?»

– А мне нравится, – с легким удивлением ответила девушка. – Я иногда их ем, хотя, признаться, мне нельзя много сладкого.

«Наверное, следит за фигурой», – подумал Макс.

– А вы здесь недалеко живете? Ни разу вас здесь не видела, – сказала девушка.

Макс не был готов продолжать с ней диалог. Но коль она сама взяла инициативу в свои руки, то грех не воспользоваться этим. Чего он теряет?

– Эээ...я здесь недалеко работаю. Иногда захожу сюда. Что-нибудь купить.

– Seriously? А где?

– В банке.

– О, да вы серьезный банкир, – улыбнулась она еще шире.

– Да нет эээ... просто работаю в банке, – смутился Макс. Он боялся сразу разочаровать девушку.

– Ну ладно, обычный банковский работник, я пошла, спешу, – бросила она на прощание, улыбнулась и, взяв с полки какую-то плитку шоколада, поспешила к кассе.

Макс остался стоять как вкопанный, забыв, собственно, зачем он сюда зашел. Вблизи эта девушка была еще красивее, чем ему сначала показалось в кафе. Ее большие изумрудные глаза, окруженные длинными ресницами... казалось, он в них утонул и остался там, погруженный в пучину ее волшебного взгляда. Она была совсем рядом, а он даже не узнал, как ее зовут. Вот черт! Судьба дала ему еще один шанс, ему, дураку, а он вновь все прос... Вихрь его мыслей был прерван старушкой, которая, слегка толкнув его, буркнула: «Чего стоишь, как вкопанный? Дай пройти!». Макс вздрогнул и поспешил отойти от витрин с конфетами.

Остаток вечера он просидел в своей небольшой двухкомнатной квартире на диване, пялясь в телевизор и потягивая холодное пиво из бутылки. Он не переставал думать об этой девушке. Все его мысли были заняты только ей. Кто она? Откуда она взялась в его жизни? И неужели она просто из нее выпорхнула, как бабочка из окна, устремляясь в неведомые дали? А что, если он ее больше никогда не увидит? С этими мыслями Макс заснул под монотонное жужжание телевизора рядом со стоящей на журнальном столике недопитой бутылкой пива.

Глава четвертая. Сеанс первый, продолжение. 16 апреля 2018 года.

– А вот и кофе подоспел, – все тем же противно-протяжным голосом заметил доктор Райт.

В этот момент в кабинет, тихонько постучавшись, зашла Лора. В руках она держала серебристый поднос, на котором стояли две фарфоровый чашки с изысканным узором. Кабинет наполнил приятный аромат свежего кофе, но Макс опять стало как-то не по себе. Запах этого кофе... того самого кофе... и ванильного сахара. Он поежился.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил доктор Райт.

– Н-нет, все в порядке, – промямлил Макс и сделал глоток горячего, слегка обжигающего язык, напитка. Кофе оказался очень вкусным, умеренно сладким и приятно отдавал ванилью. Макс понемногу начал успокаиваться. Доктор Райт продолжал на него пристально смотреть. Наконец, удостоверившись, что Макс действительно в порядке, продолжил:

– Значит, говорите, что она изменила вашу жизнь? – спросил доктор Райт с любопытством. – И кто же она?

– Это уже не имеет никакого значения, – так же задумчиво ответил Макс, наблюдая, как рыбешки безмятежно плавают в аквариуме. – Она внезапно появилась в моей жизни и очень быстро исчезла. Остались лишь воспоминания.

– Тот день, когда вы ее встретили...это была первая и последняя ваша встреча? И после этого вы стали одержимы ей...как... – доктор Райт задумался, пытаясь подобрать нужные слова. – ...как неуловимой мечтой?

–Нет, док, не совсем. – Макс покачал головой. – Эта встреча была первая, но далеко не последняя. Но да, доктор Райт, я стал несколько одержим ей. Но сейчас, повторяюсь, это не имеет никакого значения. Вряд ли можно что-то изменить.

Макс погрузился в себя, при этом его серые глаза наполнились невыразимой печалью. Он уставился в пол, пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Доктор Райт оставался невозмутимым, словно опытный рыбак, который в течение часа пытается выловить особенно крупную и ловкую рыбку.

– Почему же не изменить? Разве вы не можете вернуть ее? Макс покачал головой.

– Почему? С ней что-то случилось? Она переехала в другой город? Сменила имя? – не унимался доктор Райт, подбирая варианты для ответа как на телевикторине.

Макс вздохнул.

– Она исчезла. В прямом смысле этого слова. Я не знаю, где она.

– Вы везде ее искали?

Макс молча кивнул.

– Ну почему бы вам тогда не переключиться?

– В каком смысле? – Макс раздраженно посмотрел на док-

тора.

– Ну... – доктор Райт сделал задумчивый взгляд. – Скажем, сходить в клуб, в ресторан, познакомиться там с симпатичной девушкой, заодно, расслабитесь, отвлечетесь.

– Меня это не интересует, – отрезал Макс.

– Вот как... Ладно, предлагаю ненадолго сменить тему разговора. Чтобы получше вас узнать и понять, мне нужна информация о юном Максе Фишере. Расскажите мне о своем детстве, мистер Фишер.

Немного подумав, Макс начал свой рассказ, тщательно отбирая из памяти информацию, которой можно поделиться с излишне любопытным Робертом Райтом. Он родился в этом городе, здесь вырос, закончил школу и колледж, а потом поступил в университет, после окончания которого получил, как ему казалось, вполне престижную работу в одном из крупнейших банков Америки. Его мать, миссис Фишер, работала учительницей в школе, за что ему частенько приходилось терпеть издевательства от некоторых одноклассников, так как они считали его сынком и бестолочью, которому ставили хорошие оценки только из-за его матери. Но Макс всегда прилежно учился. Он верил, что если учиться хорошо, если получать знания, то их потом можно превратить в деньги. Он продолжал так думать и в колледже, хотя уже тогда начал понимать, что не всего можно добиться одними только знаниями и старанием. Его гораздо менее талантливые и усердные однокурсники, чьи родители, однако, за-

нимали высокие должности в этом городе, в итоге получили высокооплачиваемые работы либо на службе или в конторах своих богатых и влиятельных папаш, либо у друзей этих папаш. У Макса не было богатого и влиятельного отца. Его отец держал небольшой цветочный магазинчик, который хоть и приносил стабильный доход, но его хватало разве что на нормальную жизнь без какой-либо роскоши и излишеств. Пока его однокурсники катались на горных лыжах в Альпах, или бороздили просторы африканских саванн, или просто развлекались на пляжах Ибицы, Макс практически каждое лето помогал отцу в магазине, и лишь иногда позволял себе отдохнуть на реке, которая протекала не очень далеко от города. Они со Стивом и еще парочкой старых друзей со школы садились в старый пикап Стива и на пару ночей укатывали на излюбленный берег реки, где можно было поставить палатку, пожарить мясо и овощи на костре, поплавать, выпить пиво и просто хорошо отдохнуть. Хвастаться, конечно, нечем. Такой отдых не сравнить с поездками на сафари или посещением знаменитых европейских музеев. Но было в нем что-то до простоты душевное, теплое. В конце концов, не каждый может позволить себе выехать с друзьями на природу и насладиться жизнью там, вдалеке от городской суеты.

– Вы чувствуете обиду на тех однокурсников, которые стали успешнее вас в карьере?

– Нет, не чувствую, – немного поколебавшись, ответил Макс.

Конечно, это было неправдой. Он знал, что если бы жил в обществе, где правит справедливость, где нет места коррупции, где высокие должности не передаются по наследству от отца к сыну, то он, Макс, возможно, уже был бы первым заместителем мистера Гроссмана, а не Джон Макдилан, чей отец – лучший друг этого самого мистера Гроссмана. Или хотя бы руководителем отдела, в котором работает, но и тут его обогнала его однокурсница, чей отец имеет хорошие отношения с сенатором. И на что в этом мире можно рассчитывать простому парню, вроде него?

Роберт Райт отметил что-то в своем блокноте.

– То есть, мистер Фишер, вы считаете, что в вашем нынешнем положении виновата система, верно?

Макс пожал плечами. Он уже сказал, что думает, и повторяться ему не хотелось. «Какое же все-таки неудобное кресло» – вертелось в голове у Макса. Он поерзал, пытаясь найти такую позу, чтобы затекшая спина перестала ныть, при этом, чуть не пролил на себя кофе из чашки, которую продолжал все это время держать в руках.

– А вы пытались когда-нибудь изменить что-то в своей жизни? Например, подумать о смене работы или места жительства.

Макс покачал головой.

– Значит, вас устраивает ваша жизнь, если вы не желаете в ней ничего менять?

Макс вновь почувствовал, как зачатки гнева дают о се-

бе знать. Чтобы подавить в себе желание сказать что-нибудь грубое в ответ, Макс отпил немного кофе и снова устремил взгляд на рыбок, которые продолжали бесстрастно плавать в этой стеклянной тюрьме, в которую их поместили забавы ради.

– Или вы боитесь? – продолжал напирать доктор Райт. – Боитесь соскочить с накатанной колеи, выйти из зоны относительного комфорта? Ну же, мистер Фишер, будьте честны хотя бы перед самим собой.

Макс вскочил с кресла, при этом кофе в чашке угрожающе заколебалось прямо у ее краев. Он стоял и яростно смотрел на невозмутимо сидящего перед ним доктора Райта, борясь с внутренним порывом взрезать этому... этому... Нужное слово как назло не нашлось, чтобы дать ему подходящую характеристику. Тем временем, Роберт Райт, казалось, абсолютно удовлетворенный промежуточным результатом беседы, немного отпил кофе и, вернув чашку на столик, улыбнулся Максу.

– Вот именно этого я от вас и ждал, мистер Фишер. Наконец-то, вы проснулись, проявили себя, так сказать. Дали своим чувствам и эмоциям вдохнуть запах свободы.

Макс не знал, что ответить. Он продолжал стоять, как вкопанный, но теперь ярость постепенно сменялась чувством неловкости. «И чего это он стоит и смотрит на доктора Райта, как дурак? Уж если поднял зад, надо было завершить дело до конца». Но время упущено, и Максу пришлось вновь

занять свое место на неудобном кресле-мешке.

– И все же, мистер Фишер, ответьте мне, почему вы не пытались ничего изменить в своей жизни?

Макс вяло покачал головой.

– Я не знаю. Привык ко всему тому, что вокруг меня происходит.

– А что вокруг вас происходит? Опишите ваш обычный будний день.

«Как будто, это чем-то поможет», – скептически подумал Макс.

Каждый день Макс просыпался по звонку будильника, принимал душ, завтракал. После завтрака надевал свежую рубашку, брюки, завязывал галстук в викторианском стиле – так его еще в школьном возрасте научил отец. Дресскод банка диктовал своим сотрудникам необходимость придерживаться строгого делового стиля, исключая любые фривольности с намеком на повседневность. Даже женщинам обязательным было носить светлую блузу и темные брюки, либо юбку не выше колен. Одевшись, Макс брал портфель с документами (иногда требовалось доделать какие-либо бумажные дела дома) и шел на работу. Банк находился не очень далеко, в шаговой доступности, хотя, в плохую погоду Макс иногда добирался на работу на автобусе. Рабочий процесс обычно продолжался с восьми утра до пяти вечера, и в это время, как правило, ничего интересного не происходило – ничем не примечательная рутина, за которую Макс получал

каждый месяц не очень высокую, но приемлемую зарплату. На жизнь, конечно, хватало, и даже иногда удавалось отложить на черный день, но, чтобы пользоваться всеми благами цивилизации, требовалось куда больше денег. Поэтому, наверное, эти блага так ценны, что доступны далеко не каждому. После работы Макс либо сразу шел домой, либо по пути заходил в магазин, чтобы пополнить запасы еды и необходимых в хозяйстве вещей. Иногда, после особенно напряженного рабочего дня, шел напрямик в бар и опрокидывал там пару-тройку стаканов виски с содовой. Об этом, конечно, он благоразумно умолчал. Тем не менее, Макс не прочь был иногда выпить, и порой радовался, что рядом нет кого-то, кто стал бы его останавливать и упрекать. Хотя, много он не пил и редко пьянел, так как хорошо знал свою меру.

– Мистер Фишер, вы часто бывали раньше в том кафе, в котором встретили ту самую девушку?

– Нет, никогда там не был, – ответил Макс.

– Тогда что заставило вас пойти туда именно в тот день?

Макс задумался. Что же его заставило? Он напряг память, чтобы вспомнить некоторые детали из того рокового дня, но, как назло, воспоминания были размыты, как отражение света уличного фонаря в мутной луже.

– Сложно сказать, – начал он неуверенно. – Я помню, что именно в тот день у меня был отгул. Все начиналось, как обычно. Я даже проснулся в привычное для меня время, но без будильника. Помню, по телевизору передавали

солнечную погоду. Хм... – вдруг, в голове Макса прояснилось, словно солнце выглянуло из-за туч и заполнило темную комнату ярким светом. – Вспомнил! Я зашел туда случайно. На улице стало холодно, я замерз и решил выпить где-нибудь кофе. Вот тогда мне и попалось на глаза то кафе, «Hot&Strong». Помню, что в качестве бонуса к кофе мне принесли печенье с предсказаниями.

– Что было в этом предсказании? – полюбопытствовал доктор Райт. – Оно было как-то связано с этой девушкой?

– Верно, – после секундной заминки кивнул Макс. – Именно так. Оно заставило меня оглянуться, и я впервые увидел ее.

– Вы думали, что нашли свою любовь?

– Я уверен, – твердым голосом ответил Макс, но осекся... – Точнее, был уверен. Но в тот момент моя уверенность была непоколебима.

– И что случилось дальше? Вы подсели к ней за столик, познакомились с ней?

– Нет, в тот самый момент мне позвонил шеф и срочно вызвал на работу. Нужно было закончить отчет.

– То есть, вы даже не успели познакомиться с ней, взять у нее телефон?

Макс покачал головой.

– Мы встретились в тот же вечер в магазине. Совершенно случайно. Она покупала... ммм... кажется, шоколадку.

– На этот раз вы, конечно, познакомились с ней, верно?

Макс снова покачал головой.

Доктор Райт удивленно приподнял брови и сделал в блокноте какую-то запись.

– Ну-с... давайте подытожим. Правильно ли я вас понял? – оторвавшись от блокнота, обратился он к Максиму. – В тот день вы впервые увидели ее в кафе и хотели с ней познакомиться, но звонок от шефа разбил ваши планы. Вечером, когда возвращались с работы, по чудесной случайности вы снова с ней встретились уже в магазине, но и тогда она осталась для вас таинственной незнакомкой. Верно?

Макс кивнул.

– И вы даже не знали, как ее зовут?

– Не имел ни малейшего понятия, – ответил Макс.

– А когда же узнали?

Глава пятая. Ноябрь, 2017 год.

Следующие три дня Макс безрезультатно пытался вновь встретить ее. Теперь каждый обеденный перерыв и в конце рабочего дня он неизменно бежал в то самое кафе, где впервые встретил ее, заказывал кофе и ждал. С каждым дребезжанием колокольчика, висящего над входной дверью и оповещающего официантов о новоприбывшем клиенте, Макс нервно вздрагивал и в надежде вглядывался в лица вошедших, рассчитывая среди них увидеть ее. Но тщетно. Все эти три дня она там не появлялась. Вполне возможно, что она заходила туда, но в другое время. А, может, в тот раз она случайно забежала сюда, чтобы выпить кофе с маффином, и больше не планировала возвращаться в ближайшее время. Возможно, в каком-нибудь другом месте кофе с маффинами ей показались вкуснее, чем здесь, и она никогда больше сюда не придет. От этой мысли Макс становилось совсем грустно, но он старался об этом не думать. Он стал теперь ходить за покупками в тот же магазин, где столкнулся с ней, надеясь на то, что судьба вновь даст ему шанс встретить ее. Но судьба сблизила его лишь с каким-то толстым мужчиной, который нервно доказывал работнице магазина, что банка кофе, которую он хотел купить, не может стоить так дорого. Из-за таких длительных вечерних посиделок в кафе домой Макс возвращался поздно, совершенно разбитый и вымотанный.

И вместо привычного просмотра фильма или чтения книги он сразу же принимал душ и ложился спать, в надежде, что завтрашний день окажется результативнее, чем прошедший.

Макс уже отчаялся было ее встретить, как вдруг, на четвертый день мучительного ожидания, идя как обычно с работы в сторону кафе, чтобы опять просидеть там несколько томных часов, он увидел девушку с медово-рыжими волосами, идущую на противоположной стороне улицы. Это была она! Макс понял, что это его последний шанс! Уже точно последний! Но Макс не решался вот так просто догнать ее и... дальше-то что? Просто подбежать сзади, схватить за плечо и выкрикнуть: «Хе-хей, привет! Помнишь, в магазине встретились? Вкусную шоколадку купила?». Глупость какая-то. Для начала нужно просто проследить за ней. Наверняка, она идет домой с работы, и тогда Макс узнает, где она живет, что уже неплохо. Девушка шла довольно быстрым шагом, явно куда-то торопясь. Она была одета в голубые джинсы, белый пуховик, а шею прикрывал обмотанный двойным слоем длинный бирюзовый шарф, который прекрасно сочетался с ее рыжими волосами, пробивавшимися из-под такой же бирюзовой, как шарф, шапки с помпоном на верхушке. Она быстро перебежала дорогу в момент, когда зеленый свет светофора уже готов был смениться на желтый, и свернула влево. Макс поторопился за ней, боясь потерять ее из виду. При этом автомобиль, готовый было уже пересечь перекресток на свой зеленый, недовольно просигналил Макс, но тот

не обратил на это ни малейшего внимания. Он шел за своей целью на приличном расстоянии, чтобы не оказаться случайно замеченным. Было довольно прохладно. Противный ветер неприятно обдувал лицо, руки пришлось спрятать в карманы куртки. Под ногами хрустели опавшие с деревьев оранжево-красные листья, покрывающие тротуар, словно огромный пестрый ковер. Девушка шла легкой походкой, словно проплывала над дорогой, не замечая ни ветра, дующего прямо в лицо, ни довольно толстого слоя листвы. Наконец, спустя десять минут, она остановилась возле ничем не примечательного серого многоэтажного здания, каких вокруг было довольно много, и зашла в одну из дверей. Это такие многоэтажки, где первые этажи заняты офисными помещениями, а на всех остальных этажах размещаются обычные квартиры. Макс подошел к двери. Над ней висела вывеска, на красном фоне которой золотыми буквами было написано название организации: «Студия изобразительного искусства». И внизу меньшим шрифтом фраза: «Никогда не поздно приобщить себя к прекрасному!». Макс неуверенно потоптался на месте. Зайти? Или нет? Да что он, собственно, теряет? Он постоял еще немного, осмотрелся по сторонам, будто замышлял что-то недоброе, и открыл дверь. Макс оказался в небольшом помещении, которое напоминало скорее миниатюрную картинную галерею. Стены были увешаны картинами разного уровня качества, все – в деревянных рамках. Среди них были очень даже красивые, насколько вообще Макс

способен был оценить подобное творчество. Но были совсем уж невнятные, как будто их рисовал очень маленький ребенок. Смысл некоторых каракулей и завитушек Макс и вовсе разобрать был не в силах. Рядом с входной дверью размещался стол, за которым сидела молодая брюнетка в очках. На столе стоял ноутбук, телефон, какие-то документы и открытая книга, перевернутая обложкой вверх. Видимо, до того, как он зашел, девушка ее читала. Увидев Макса, она улыбнулась, поприветствовала его и спросила:

– Вы за ребенком?

– За каким ребенком? – недоуменно спросил Макс. – У меня нет детей.

– Ааа, вы, наверное, на занятия пришли записаться, верно? Вы впервые здесь?

– Да, – промямлил Макс.

Он явно не планировал записываться ни в какой кружок. Тем более, на уроки рисования. На это не было ни времени, ни сил, ни желания. Да и подобного таланта у него отродясь не проявлялось.

– Тогда мы рады вам предложить одно пробное, абсолютно бесплатное занятие. Вы, кстати, как раз вовремя – первое занятие новой группы начнется через десять минут. Вы можете прямо сейчас к ним присоединиться. И если вы найдете это для себя интересным, мы будем рады вас включить в список учеников нашей студии.

Макс замялся.

– Пожалуй, мне поздно уже быть учеником...

А с другой стороны, если загадочная девушка из кафе тоже сюда ходит, значит, это отличный шанс с ней поближе познакомиться. И вовсе необязательно становиться художником. Просто нарисовать пару картинок для отчетности и хватит.

– Никогда не поздно приобщить себя к прекрасному, – девушка повторила фразу с вывески и еще шире улыбнулась.

– Хм...ладно, схожу, пожалуй, – сказал Макс, еще раз бросил оценивающий взгляд на висящее на стенах холла в деревянных рамках «прекрасное» и принялся снимать с себя шапку и куртку.

– Кхе-кхе... – он неуверенно кашлянул, обращаясь к девушке с ресепшена. – Вы не видели девушку, которая прямо передо мной зашла сюда?

– Девушку? Боюсь, я никого не видела, – покачала она головой и немного покраснела. – Я только несколько секунд назад вернулась. Отходила...по делам.

Макс понял, по каким делам она отходила, но это было уже не важно. Увы, ничего не поделаешь – придется идти на это чертово занятие. Он повесил одежду в шкаф, отметив при этом, что среди множества курток и пальто белого пуховика там не было. Может, в другом месте переоделась? Девушка с ресепшена, убедившись, что Макс готов, пригласила его пройти за ней в класс. Собственно, далеко идти не пришлось. Учебная комната находилась прямо по соседству

с холлом за дверь. Макс быстро окинул взглядом немногих присутствующих в поисках желанной им девушки, но там не было никого даже близко похожего на нее. Только двое китайцев, пенсионерка, скучающая особа и странный паренек у окна.

– Извините, а это единственный класс здесь? – уточнил он у девушки с ресепшена.

– Нет, у нашей школы два класса – для детей и взрослых. Вы, естественно, в классе для взрослых. Можете занять любой понравившийся вам мольберт, – сказала девушка, улыбнулась и вышла из кабинета.

Максу не нравился ни один из мольбертов. Он не понимал, как это вообще может нравиться. Следуя голосу логики и здравого смысла, он занял место недалеко от выхода, надеясь, что, если цель его визита не появится в ближайшее время, он постарается незаметно выскользнуть из класса и не тратить свое время. Впрочем, оставалась надежда. Ведь он собственными глазами видел, как она вошла именно в эту студию. Не могла же она раствориться в воздухе? И это точно не было галлюцинацией и плодом его воображения. Чтобы скоротать время, оставшееся до начала занятия, Макс принялся разглядывать окружающее его пространство. Учебный класс представлял собой довольно просторную комнату, хорошо освещаемую двумя большими окнами, люстрой на потолке и светильниками на стенах. На подоконниках стояли горшки с цветами, а небесно-голубого цвета занавески со-

браны и подвязаны такими же лентами. На стенах, как и в холле, висели картины в деревянных рамках, примерно похожего содержания и уровня художественного мастерства. Но среди них была одна, которая Макс сразу почему-то бросилась в глаза, – фигура мужчины, чье лицо спрятано в тени шляпы, а рядом красивая, но печальная девушка. И все это на унылом, депрессивно-сером фоне. Ничего, казалось бы, особенного, но на Макса она произвела какое-то странное, необъяснимое впечатление. Ему показалось, что эта картина ему невероятно близка, будто она магическим образом связана с ним самим. Макс оторвался от картины и осмотрел остальную часть кабинета. На противоположной от стоящих мольбертов стене висела доска, на которой была изображена геометрическая фигура в виде цилиндра, бросающая тень. В кабинете витал стойкий аромат красок. Оценив обстановку, Макс принялся изучать присутствующих здесь помимо него «учеников». В первом ряду сидела маленькая старушка с выкрашенными в голубой цвет волосами, которые короткими прядками выбивались из-под красного берета. Ее плечи покрывала голубая шаль. В правой руке она держала карандаш и уже пыталась вывести на белом листе бумаги какой-то замысловатый рисунок. «Ей, наверное, очень скучно дома сидеть», – подумал Макс. Прямо за ее спиной сидела китайская парочка, молодые парень и девушка, лет по восемнадцать, и тихонько о чем-то щебетали. Девушка была весьма милостивой, с иссиня-черными волосами до плеч

и довольно большими для китайки черными глазами. Она тихонько засмеялась, а ее молодой человек довольно улыбнулся. Он был высокий и немного полный, и когда улыбался, щеки казались еще полнее. Довольно длинная челка наполовину закрывала его очки, так что ему часто приходилось поправлять ее ладонью на бок. На мочке его левого уха Макс заметил маленькую сережку в виде символа Инь-Ян. «Ох уж эти китайцы». У окна сидел с задумчивым видом худощавый паренек с немного волнистыми волосами. Он ковырялся в смартфоне и параллельно наносил кисточкой мазки на свой холст. Но Макс не мог видеть со своего угла, что именно парень рисовал. Да и не особо хотелось. В самом заднем ряду расположилась женщина лет сорока, всем своим видом напоминающая мадам, которой «лишь бы что-то делать, только не работать». Макс сразу обратил внимание на ее броский маникюр ярко-оранжевого цвета на длинных ногтях. «Рисовать она, вероятно, будет этими самыми когтями». Яркий макияж кричал о том, что дамочке будто не хватало мужского внимания, а недовольная гримаса подтверждала это. Ее светлые волосы были собраны в хвост, скрепленный розовой резинкой. Собственно, она первая и нарушила тишину:

– Блин, ну и где препод? Я что, зря пришла что ли? Мне даже пришлось из-за этого отменить поход в фитнес-клуб!

Китайская парочка оторвались друг от друга и с удивленным видом повернулись в ее сторону. Бабулька улыбнулась и сказала:

– Ничего страшного. Наверное, готовит для нас материал для учебы. Сейчас придет.

– Уж надеюсь. Кстати, меня зовут Клэр Уотсон. Можете просто звать Клэр.

Бабулька тоже представилась. Ее звали Патриция Хьюстон. Молодые китайцы – парень по имени Ли и девушка по имени Ким – улыбнулись в ответ. Парнишка у окна представился последним – Джордж Мильтон. После этого каждый рассказал немного о себе. Оказалось, что Клэр была домохозяйкой. Ее муж, довольно богатый, но очень скучный и вечно занятой бизнесмен, мало уделял времени жене и ребенку, вечно придумывая всякие отмазки, типа «много работы», или «встреча с коллегами», или того хуже «устал от общения, хочу побыть один». Почти всю работу по дому выполняла домработница, которая приходила утром в девять часов и уходила в три, так что Клэр оставалось разве что присматривать за шестилетним сыном, который уже был довольно самостоятельным и не требовал такого повышенного внимания, как раньше. Поэтому, чтобы не умереть со скуки, она посещала фитнес, йогу, бассейн, часто ходила по модным магазинам одежды, и вот решила приобщить себя к искусству и рукоделию. Тем более, среди ее подруг стало модно чем-то таким заниматься. Так, одна из них записалась на курс вязания, другая берет уроки игры на пианино, третья пробует себя в роли поэтессы, записавшись в соответствующий клуб. А Клэр, дабы не повторять за подругами, решила

стать художницей. Как знать, может быть ее картина станет известной, какой-нибудь богатый коллекционер выкупит ее, и все будут говорить: «Клэр Уотсон, вы самая лучшая художница нашего времени!».

Ли и Ким, как и подозревал Макс, были влюбленной парой. Они оба родом из Китая, причем родились и выросли в одном городе. Их родители дружили, поэтому все детство они провели вместе, делясь друг с другом игрушками, помогая в учебе в школе, даже вместе ходили на танцы. Два года назад их отцы в связи с делами по бизнесу вынуждены были переехать в штаты, и, естественно, с ними переехали их семьи. Сейчас ребята учатся в местном колледже: Ли учится на экономиста, так как хочет продолжить дело отца, а Ким на искусствоведа, потому что очень любит искусство. Именно она уговорила Ли записаться с ней в художественную студию, чтобы и его приобщить к своему любимому делу. Судя по всему, Ли был не в восторге, но что не сделаешь, чтобы порадовать любимую?

Миссис Хьюстон просто решила занять себя чем-нибудь на пенсии. Ее муж, Дэррел, почти все время либо сидел у телевизора, ругаясь на власть и ворча по поводу болей в спине и коленях, либо играл в шахматы с Беном, его товарищем по «коленно-позвоночному несчастью», как они себя называли. Патриция могла бы тоже коротать время где-нибудь в литературном клубе, или играя в бинго с людьми своего возраста, но она призналась, что в обществе таких же дряхлых, как

она, ей светит лишь мигрень и запор. А в компании молодых в ней просыпается скрытый источник энергии. И уже колени не так болят, да и спина вроде не сильно беспокоит.

Что касается парня у окна, так он оказался не очень разговорчивым. Выяснилось, что учится он на врача в колледже, а решил заняться рисованием, чтобы как-то отвлечься от высоких нагрузок и стресса на учебе. Ну и еще рисование помогает ему раскрыть свой внутренний потенциал. Странный парень. «Лучше бы девушку себе нашел», – усмехнулся Макс.

Тем временем, часы показывали пять минут седьмого. «Как-то непунктуально со стороны преподавателя», – заметил Макс. Он уже было подумал, что пора потихоньку сворачиваться, как вдруг открылась дверь и вошла... Кто бы мог подумать, черт побери! Это была ОНА! Макс невольно дернулся и, раскрыв рот, чуть не крикнул «Да ладно!?!», но вовремя осекся. Это была действительно она. В голубых джинсах и белой обтягивающей кофточке, прекрасно сидящей на ее утонченной фигуре. Ее рыжие, слегка волнистые волосы, на этот раз были собраны сзади в длинный хвост. Она вошла и легкой походкой направилась к доске, слегка покачивая бедрами. «Чертовски хороша», – подумал Макс. Он впился в нее глазами, пытаясь, казалось, проглотить ее взглядом. Он и подумать не мог, что она работает учителем рисования! Такая красотка растрчивает свою красоту на каких-то малолетних китайцев, бабу, неудовлетворенную соседку и

этого ботаника из медицинского. Ведь она могла бы с такими внешними данными пестреть на обложке модного журнала, демонстрировать на подиуме новые коллекции одежды от известных кутюрье или сниматься в романтических фильмах. Но она здесь, стоит перед ними, улыбаясь, явно довольная своим положением.

– Очень рада вас всех здесь видеть. Меня зовут Ева Адамс. И я буду вашим проводником в мир прекрасного! – поприветствовала она присутствующих, одарив каждого ослепительной улыбкой. Максу даже показалось, что на нем она остановила взгляд чуточку дольше, чем на других. И вроде даже подмигнула. Во всяком случае, Максу хотелось так думать. Он продолжал впиваться в нее взглядом.

– Каждый из вас пришел сюда по зову души в поисках этого прекрасного, – продолжала она. «Это точно», – отметил про себя Макс. – «Я за тобой до самой этой школы по зову души шел».

– Внутренний мир каждого из вас богат невероятно прекрасными образами, которые вы ежедневно воплощаете в том или ином виде: на кухне, когда готовите любимому человеку что-то вкусное, на работе, когда вкладываете душу в свое любимое дело. И вот сейчас у вас появилась еще одна замечательная возможность реализовать этот потенциал – на этот раз на холсте. Я хочу, чтобы сегодня, прямо сейчас, вы нарисовали то, что вы чувствуете, что вы ощущаете, о чем вы думаете. И это будет вашим первым заданием.

С этими словами она одарила всех улыбкой и присела на свободный стул у окна, переведя свое внимание на городской пейзаж. Было уже темно, но уличные фонари ярко освещали улицу. Весомый вклад в общую иллюминацию добавляли пестрящие на каждом шагу рекламные плакаты и вывески, украшенные разноцветными мигающими лампочками. И несмотря на то, что из-за шумоизолирующих окон нельзя было услышать уличный гул, не возникало сомнения в том, что там, за окном, было довольно шумно. Горожане возвращались в это время с работы, торопясь поскорее сбросить с себя уличные вещи и облачиться в уютные домашние одежды, собраться всей семьей за обеденным столом и вкусно поесть, а после этого посмотреть какой-нибудь интересный фильм или почитать книгу. Да, на улице было шумно, но здесь, в этом небольшом учебном классе в этот момент было необычайно тихо. Будто замороженные, каждый погрузился в глубины своего сознания, чтобы извлечь оттуда что-то, что можно было бы изобразить на листе бумаги, закрепленном на мольберте перед ними. Макс окинул быстрым взглядом комнату, оценивая, у кого какие успехи. Парень у окна, собственно, уже давно что-то малевал на своем холсте, так что, подумал Макс, у него все в порядке. Интересно только, что именно он там творил. Джордж сразу показался Максиму немного прибабахнутым. «Наверное, рисует что-то типа «всемирного апокалипсиса», или собственную интерпретацию последнего дня Помпеи». Миссис Хьюстон, наверня-

ка, будет изображать какие-то приятные моменты из далекой юности, если, конечно, она еще что-то помнит – Макс слышал по телевизору, что пожилых людей часто одолевает Альцгеймер, или что-то типа того. Китайцы изобразят, видимо, что-то близкое к своей азиатской культуре. Макс в этом ничего не понимал, поэтому и предположить было нечего. «Возможно, что-нибудь из фарфора... хм... или портрет Мао Цзедуна. Или кто у них там бессмертный вождь». Макс тихонько усмехнулся над собственной шуткой. В последнюю очередь он перевел взгляд на Клэр. Та сидела с таким выражением лица, будто в попытке погрузиться в свой внутренний мир она его просто не нашла. «Ну что ж, придется и мне задуматься, чтобы такое изобразить», – подумал Макс и повернулся к своему белоснежно чистому холсту. «Может, нарисовать карикатуру на Гроссмана? Хах, смешно получится, всегда хотел изобразить его в виде огромного болотного монстра, пожирающего все на своем пути». А, может быть, нарисовать берег реки, на который он так любил ездить со своими немногочисленными друзьями? Он посмотрел в окно. Уже появились первые звезды на небе. «Они такие далекие и такие одинокие», – подумал Макс. – «Наверное, каждой звезде хотелось бы иметь рядом с собой спутника, который разделит с ней все радости и печали в этом огромном, безграничном Космосе». Макс не заметил, как рука с кистью сама потянулась к краскам, макнув кончиком кисточки в фиолетовую, и принялась наносить толстые размашистые мазки

на белоснежную поверхность листа. Через десять минут на мольберте у Макса лежал полностью выкрашенный в фиолетовый цвет холст. Макс, поразмыслив, обмакнул кисточку в желтый цвет и ближе к левому краю листа нарисовал что-то похожее на звезду. Затем, он промыл кисточку и вернул ее на место. Все оставшееся время он сидел и смотрел в окно, думая о том, что этот рисунок лучше всего отображает состояние его внутреннего мира.

Ева, тем временем, незаметно подходила к каждому, оценивая их работы. Подойдя к мольберту Джорджа, она остановилась и, как показалось Максиму, с излишне живым интересом изучала его картину. Макс почувствовал, как внутри растет негодование и даже зависть. «Подойди скорее ко мне! Ну же, давай! Дался тебе этот...». Его мысли были прерваны громким звонком чьего-то мобильного телефона. Это был телефон Клэр. Она с недовольным видом принялась искать его в недрах своей сумочки, а когда, наконец, нашла, звонок уже умолк.

– Муженек потерял меня, – буркнула она. – Что, еду в холодильнике найти не смог что ли?

Клэр встала со своего места и вышла из класса, чтобы, видимо, объяснить мужу, где в холодильнике лежит еда, а Ева, тем временем, подошла к Максиму. Настал его черед получить порцию ее внимания. Однако же, к глубокому сожалению Макса, она не долго простояла возле него. Максиму даже показалось, что прошло меньше десяти секунд. Это неспра-

ведливо! Он ради нее пришел сюда, а она даже не оценила его старания! Но тут Макс заметил, что на лице Евы появилась улыбка, немного другая, не такая, какой она улыбалась всем присутствующим. И это вновь зародило в нем надежду. «Она, наверняка, вспомнила меня!».

Спустя полчаса, когда уже все закончили свои работы, Ева объявила, что оценила труды каждого, и что все отлично справились со своими картинами.

– Сегодня я не бралась оценивать правильность выполнения ваших работ, – подытожила она. – Этому вы сможете научиться на моих занятиях. Самое главное, что все вы сегодня выложились и показали, как широки ваши возможности и как многое вы сможете в будущем, если решите и дальше погружаться в мир искусства. Занятия будут проходить в это же время два раза в неделю – по понедельникам и четвергам. А на сегодня все. Надеюсь, увижу вас в понедельник.

И с этими словами Ева встала и принялась собирать с рабочих мест краски и кисти. Макс, делая вид, что что-то ищет, решил специально потянуть время, чтобы дождаться, пока все выйдут, и они останутся вдвоем. Правда, он совершенно не представлял, что ей скажет. Пока он судорожно думал над этим, подбирая нужные слова, все уже вышли, кроме миссис Хьюстон, которая в силу своего возраста все делала медленно – вот и сейчас она никак не могла совладать с рукавом кофты, который никак не хотел надеваться на руку. Наконец, справившись, она попрощалась и вышла, закрыв

за собой дверь. И вот он остался один на один с Евой. Ева, тем временем, закончила убирать все художественные принадлежности. Макс заметил на ее лице ту же самую загадочную улыбку, которая появилась у нее после просмотра его рисунка.

– Решили ходить на занятия? – спросила она.

Макс замялся. Он еще не решил, хочет ли и дальше видеть этого странного Джорджа, вдыхать аромат приторных духов миссис Хьюстон, слышать занудные излияния Клэр... Он хотел лишь узнать ее... Своим вопросом она застала Макса врасплох.

Ева спасла его от невнятных мычаний:

– Если все же решитесь, то у меня одно условие: вы должны сохранить мой секрет...

У Макса заколотилось сердце. «Она хочет со мной поделиться секретом!».

– В тот день в магазине вы меня поймали с поличным – я очень большая сладкоежка!

И с этими словами, подмигнув Максy, она быстро вышла из класса, оставив недоумевающего Макса одного.

Глава шестая. Сеанс первый, продолжение. 16 апреля 2018 года.

Макс снова заерзал на кресле. Сидеть в этом бесформенном мешке было уже не просто неудобно, а прямо-таки до боли неудобно. Макс не привык к столь мягким креслам, которые проваливаются под тяжестью задницы до самого пола, и до ужаса хотелось пересесть на диван. Доктор Райт, казалось, нисколько не обращал внимания на мучения своего пациента. Только что внимательно прослушав рассказ Макса о том, как прошло первое занятие рисования, он сидел и с задумчивым выражением лица смотрел в сторону аквариума.

– Доктор Райт, можно я пересяду на диван? – спросил нерешительно Макс

– Да, конечно-конечно, – ответил тот и махнул рукой в сторону дивана.

Макс, обрадовавшись, что наконец-то можно покинуть ненавистный мешок, попытался встать с него, но в пояснице возникла такая резкая боль, что он невольно ойкнул и вновь погрузился всем весом в мягкость кресла.

Доктор Райт безучастно наблюдал за попытками Макса совладать со своим телом и конечностями, но помочь бедняге почему-то не торопился, предпочтя вместо этого спокойно сидеть в кресле и пить кофе. Наконец, Макс кое-как,

не без помощи рук, встал на ноги, выпрямился, при этом в спине что-то хрустнуло, и пересел на диван. Тот, к счастью, оказался довольно плотным, упругим и показался Максиму даже приятным. Опершись все еще ноющей спиной о плотную спинку дивана, он расслабился и на пару секунд закрыл от удовольствия глаза. Больше не придется сидеть в этом чертовом мешке!

– Говорите, узнали ее имя на занятии по рисованию? – спросил доктор Райт, прервав вынужденную паузу.

– Да. Ева, так ее зовут.

– Имя главной виновницы грехопадения человечества... – задумчиво произнес доктор Райт.

Макс пожал плечами. Он никогда не задумывался об этом.

– Какие впечатления остались у вас после первого занятия?

– Ну...я не почувствовал особого желания рисовать. Я всегда был далек от искусства, тем более, делать что-то своими руками... Пожалуй, это не по мне. Хотя, тогда мне показалось, возможно, полезным иногда заниматься чем-то подобным. Чтобы отвлечься от повседневных забот.

Макс замолчал.

– Вы упомянули о картине, которая заинтересовала вас. И вы сказали, что почувствовали некую связь между вами и этой картиной. В чем эта связь выражалась?

– Честно говоря, я не знаю, как ответить на этот вопрос, – замялся Макс. – Мне показалось, что на этой картине... что

она выражает одиночество.

– А вы чувствуете себя одиноким, мистер Фишер?

– Не знаю. Иногда мне кажется, что все люди в какой-то степени одиноки. Даже те, которые много лет живут в браке, имеют большую семью. Просто в какой-то момент жизни их окружают такие люди, с которыми приятно проводить время, общаться, вместе готовить еду, ложиться спать. Но внутри каждый человек остается один на один со своими мыслями.

– Ваши родители давно в браке?

– Больше тридцати лет.

– Как вы думаете, они чувствуют себя одинокими?

– Не знаю. Я не спрашивал их об этом. Хотя, иногда они замыкаются в себе и могут какое-то время не разговаривать друг с другом. Но это быстро проходит. Каждому бывает необходимым побыть один на один с самим собой.

– Но это же не означает, что они одиноки. Вы не находите это вполне естественным стремлением человека к кратковременному уединению, чтобы поразмыслить над своими проблемами, погрузиться в свое внутреннее я?

Макс пожал плечами. Его не заботили такие подробности о духовных стремлениях людей, тем более, его мало интересовала сама идея погружения в собственное я с какими бы то ни было глубинными целями. Может быть, мыслил он весьма поверхностно, зато практично и в меру реалистично. И это его вполне устраивало.

– Когда вы познакомились с Евой, что именно изменилось в вашей душе, сознании? Изменилось ли ваше мироощущение? – продолжил докапываться доктор Райт.

Макс снова задумался. Сегодня ему приходится думать и копаться в сугробах своей памяти, как никогда раньше. Пожалуй, даже похлеще, чем на выпускном экзамене в университете. Правда, в отличие от экзаменационных вопросов, на этот и подобные ему найти правильный ответ казалось практически невозможным. А существует ли вообще правильный ответ на такой вопрос?

– Ммм...я не думал об этом. Тогда я думал только о Еве, все мои мысли были заняты этой девушкой. Мироощущение и прочая чепуха здесь не при чем.

– То есть, в тот момент Ева стала для вас, не больше, не меньше, целым миром?

– Возможно, – ответил Макс и устало глянул на часы. Прошло уже целых сорок минут. И все это время доктор Райт копался в его сознании, словно шахтер, долбя киркой по горным породам в поисках полезных ископаемых. Только в этом случае полезными ископаемыми, по-видимому, были его, Макса, воспоминания.

– Опишите этот мир, мистер Фишер. Что изменилось? Что радикально поменялось в отличие от того мира, прошлого, без Евы?

– Ну...наверное, радикально не поменялось ничего, – задумчиво произнес Макс. – В том смысле, что все привычные

предметы, люди... ну и тому подобное, остались на своих местах.

– Тогда что же изменилось?

– Наверное, я по-другому стал жить. Возможно, иначе стал смотреть на привычные вещи. Как-то ярче все стало, динамичнее... Не знаю, как описать подробнее.

– Мистер Фишер, почему звезда на фоне ночного неба?

Макс удивленно посмотрел на доктора Райта.

– Что? Какая звезда?

– Которую вы нарисовали на первом занятии в качестве задания, данной Евой Адамс.

– Ааа... Вы об этом... Не знаю. Что-то внутреннее заставило меня нарисовать это. Не знаю... не могу объяснить.

– Может быть, вы посмотрели в окно и увидели там звезду в небе?

Макс покачал головой.

– Нет, точно не поэтому. Я, конечно, видел звезды там, в окне, но... не думаю, что это была главная причина. Говорю вам, что-то изнутри будто управляло моей рукой. Хотя... сейчас уже точно не вспомню.

– Ну ладно, хорошо... Когда вы рисовали эту картину, вы думали о Еве Адамс? Или о себе?

Макс замялся.

– Как я говорил уже, сейчас сложно вспомнить, о чем я думал почти полгода назад. Наверное, я думал о нас обоих.

– Тогда, почему нарисовали только одну звезду, а не две?

Логичнее ведь было изобразить две звезды, олицетворяющие вас обоих.

– Не знаю. Нужно подумать.

– В том то и дело, что не нужно думать. За мыслительным процессом теряется искренность. Лучше отвечать, как чувствуете, мистер Фишер.

– Тогда не знаю. Возможно, я изобразил себя.

– Одиноким?

Макс пожал плечами.

– Несмотря на то, что в вашей жизни появилась эта девушка?

– Тогда я знал лишь ее имя. Она не вошла в мою жизнь.

Разве что постучалась.

– И все же, в этот миг весь мир для вас изменился. Верно?

Макс уже окончательно запутался. Если в его голове и происходил какой-то мыслительный процесс, то весьма незначительный, а дела чувственные были выбиты из колеи. И почему-то жутко хотелось спать. В кабинете стало мучительно душно и тесно. Макс снова глянул на часы. Прошло всего минут десять с его последнего взгляда на циферблат, но казалось, что намного больше. Его повышенный интерес к часам не прошел мимо доктора Райта. Он и сам глянул на свои серебряные Омега и удивленно вскинул брови.

– Как время-то быстро летит за увлекательной беседой, мистер Фишер, не находите?

Макс вяло кивнул. Уже не осталось сил отвечать, веки на-

лились свинцом, задница затекла, спина продолжала гудеть, а в голову словно насыпали несколько тонн песка. Доктор Райт легким движением поднялся со своего кресла-мешка, поправил галстук и закрыл экран ноутбука. Макс последовал примеру доктора Райта, однако, в отличие от него, оторвал свою пятую точку от дивана с большим трудом.

– Ну что, мистер Фишер, первый сеанс весьма продуктивен. Вижу, вы устали, но это нормально: погружение в свое внутреннее я – весьма непростое занятие.

Максу казалось, что он не в свое собственное я погружался, а на дно Мариинской впадины, а потом его резко подняли на поверхность.

– Думаю, оставшуюся половину дня вам следует хорошенько отдохнуть, – продолжил доктор Райт. – Возможно, выпить бокал хорошего вина. А завтра нас ждет не менее интересная беседа. До завтра, мистер Фишер!

Глава седьмая. Декабрь, 2017 год.

Ноябрь пролетел незаметно, и в жизнь горожан стремительно ворвалась зима с ее морозными узорами на окнах, снежными сугробами, наваленными снегоуборочными машинами по бокам от дорог, и с нарастающей атмосферой приятных предпраздничных хлопот, которая постепенно стала захватывать буквально каждого жителя города. Ведь нет ничего приятнее, чем ходить по магазинам в поисках подарков для своих любимых, украшать дом яркими гирляндами и рождественскими украшениями, наряжать елку красивыми игрушками. На улице дети всех возрастов катались на коньках, лепили снеговиков, валялись в снегу, очерчивая руками и ногами снежного ангела, играли в снежки. Порой, брошенный не туда снежок попадал в случайного взрослого прохожего, которому просто не повезло оказаться на линии фронта. Тогда ребятня спешно бросалась наутек под грозные выкрики пострадавшего, хотя никто всерьез не сердился. Все были погружены в атмосферу волшебства, чуда, вера в которое зарождалась еще в далеком детстве и сопутствовала до самой старости.

Макс вспомнил, как в детстве праздновал Рождество с родителями. Они наряжали елку, которую его отец покупал у своего знакомого по цене, значительно ниже рыночной, украшали дом фигурками ангелочков, Санта-Клауса, рожде-

стенских оленей, развешивали гирлянды и другие украшения. Макс с удовольствием принимал участие в предпраздничных приготовлениях. Особенно его радовал процесс развешивания елочных игрушек. В канун Рождества, перед тем, как лечь спать, он оставлял под елкой тарелку с печеньями и конфетами и стакан молока для Санты и его маленьких помощников. А утром со всех ног спешил к елке, чтобы поскорее распечатать подарки, которые оставил ему Санта-Клаус. Конечно, став старше, Макс узнал, что не было никакого Санты, а подарки оставляли ему родители, но это ничуть не испортило чувство праздника и волшебства. Ведь в этом празднике было что-то большее, чем сказочный бородатый дед с его подарками. Он также помнил, как к ним в гости приезжали дедушки и бабушки, как они все вместе садились за стол, ломившийся от угощений, совершали традиционную праздничную молитву, поздравляли друг друга. Макс с особым теплом вспоминал те моменты из детства, и сейчас, когда приближался день Рождества, он надеялся, что именно это Рождество станет для него особенно волшебным.

Макс все-таки решил продолжить ходить на уроки рисования, хотя, честно говоря, поначалу не испытывал особой любви к этому виду искусства. Несколько занятий подряд они осваивали технику рисования карандашом. Максу не казалось это слишком уж сложным. Он уже научился рисовать некоторых животных, фрукты, природу, отдельные предметы, а теперь работал над объемом и тенью. Это было весь-

ма утомительно. Ему хотелось больше времени проводить с Евой, но пока что все их встречи и общение ограничивались этими занятиями два раза в неделю, а все остальное время он ждал, когда начнется новый урок, и когда в класс вновь легкой походкой зайдет Ева. И вот, за три недели до Рождества, они отложили карандаши и перешли на масляные краски. Успешнее всех в этом деле оказался, конечно же, Джордж, который, к слову, вообще был весьма неплох в художественном деле, и одна из его карандашных картин, на которой он изобразил человеческое сердце во всех анатомических деталях (кто бы сомневался!), оказалась на стене в холле. Надо признаться, среди несуразных каракуль и до абсурда банальных фруктово-ягодных натюрмортов его сердце выглядело впечатляюще и несколько завораживающе. Макс даже узрел в нем некий тайный смысл, разгадать который, увы, не смог. Скорее всего, ответ на этот вопрос знал только лишь автор сие творения, но Макс не хотел лишний раз вступать с ним в контакт. Больно странным он казался. Возможно, у него в холодильнике дома хранится парочка таких сердец, кто знает. В общем, у парнишки явно был талант. Макс же, к своему раздражению, особой дружбы с красками не завел. Ему никак не удавалось добиться нужного оттенка, нанести правильный мазок, не поставив при этом случайную кляксу. Несмотря на свою природную аккуратность и педантичность, в работе с красками он терпел полное фиаско. Да и вообще никакого желания возиться с этой мазней у него не бы-

ло. Пустая трата времени. И какого черта Ева крутится возле этого Джорджа? Ну и что, что у него так хорошо получилось изобразить закат над морем! Макс с раздражением окинул взглядом свое творение. На когда-то белом холсте сейчас красовалось что-то, похожее на яблоко, лежащее на земле среди опавшей осенней листвы. На самом деле, на листву эти оранжево-красные пятна были плохо похожи, да и красная округлая фигура с торчащей коричневой палочкой тоже мало походила на яблоко. Тем не менее, Макс старался и, в принципе, был доволен проделанной работой. Пусть и получилось не лучше тех дурацких вегетарианских натюрмортов, что вывешены на стене в холле школы. Он посмотрел на мольберт китайцев. Ли нарисовал панду, сидящую у дерева и жующую что-то вроде стебля бамбука, а у Ким на холсте красовалась лиса с длинным оранжевым хвостом. «Любители животных. Наверняка, шарахаются от каждого владельца норковых шуб или обливают их на улице краской», – подумал Макс. Миссис Хьюстон, похоже, рисовала что-то в стиле постимпрессионизма – во всяком случае, Макс ничего не разобрал в ее мазне. Позже выяснилось, что она забыла дома очки и слабо видела, что рисует. Но, если верить ее словам, очень старалась изобразить иву на фоне облачного неба. А над чем трудилась домохозяйка Клэр, Макссу было не видно. Но судя по ее напряженному виду, она либо творила что-то гениальное, либо у нее скрутило живот. Во всяком случае, со стороны выглядело так, будто ее голова скоро взорвется

от перенапряжения. Когда Ева подошла к мольберту Макса, она улыбнулась и попросила его остаться после занятий, чтобы поработать над детализацией. «Ага, над детализацией», – незаметно ухмыльнулся Макс. Ее просьба остаться казалась прекрасным шансом перейти к активным действиям – наконец-то, они останутся наедине, и он пригласит ее на свидание. На самом деле, это надо было сделать уже давно. Просто, она такая красивая, загадочная, недоступная... К такой девушке подойти страшно, не говоря уже о приглашении на свидание. Но не собирается же она всерьез заниматься с ним детализацией!

Он с трудом дождался окончания занятия, когда медлительная миссис Хьюстон, наконец, соберет свои вещи, уложит их в сумочку, оденется и покинет класс. Ева протирает доску влажной губкой, а Макс пялился на ее тонкую талию, округлые бедра, волнистые волосы медового цвета, не в силах оторвать от них взгляд. «Как же плавно она качает бедрами...», – подумал Макс. – «Вот это я понимаю...». В его голове стали зарождаться такие образы и видения, связанные с ней, что Максу стало даже немного не по себе. Возможно, он даже покраснел. Макс потряс головой, чтобы выбить навязчивые мысли, и в этот момент Ева, положив губку на стол, повернулась к нему. По выражению ее лица сложно было сказать, о чем она думает. Может быть, действительно собирается дать ему пару советов по поводу детализации. А, может быть, она каким-то образом прочитала его мысли, и

теперь... Макс не хотел думать о том, что будет теперь. Они смотрели друг на друга, и никто из них не проронил ни слова. В голове у Макса вертелись заветные слова «Ева, выходи за меня»... «Какого черта! Какой замуж! Я ведь ее даже на свидание еще не пригласил!». Макса подмывало вновь хорошенько потрянуть головой, но он сдержал порыв, так как выглядело бы это крайне странно. Оставалось только подобрать нужный момент и... Первой нарушила тишину Ева.

– Макс, что ты чувствуешь, о чем думаешь, когда рисуешь?

«Что? Она серьезно?», – судорожно подумал Макс. «О чем я думаю? О том, что художник из меня никакой!».

– Да ни о чем не думаю. Думаю, что у меня ничего не получается, и вообще я зря теряю здесь время.

Хотелось прикусить язык, чтобы ничего лишнего не вырвалось, но, кажется, уже было поздно. Ответ получился довольно грубым. Но как есть, лучше быть предельно честным с самого начала. Однако, к счастью, Еву его слова не смутили, и она продолжала улыбаться.

– Я наблюдала, как ты рисуешь, – сказала она мягким голосом. – У тебя есть способности, есть дар, но его надо полностью раскрыть. Тебя что-то удерживает, сковывает твое сознание. Расскажи мне, что тебя тревожит.

Макс уже хотел было раскрыть рот и высказать все, что думает, но на этот раз сдержался. Конечно, ему было, что сказать. Но стоила ли игра свеч? А вдруг она его засмеет? Не

воспримет всерьез? Вдруг сразу отвергнет его чувства? Какого черта он такой нерешительный? Уже сказал бы и дело с концом. Неожиданно Ева прервала его размышления вопросом:

– Макс, какую музыку ты любишь слушать?

Макс такого вопроса точно не ожидал.

– Ну... что-нибудь тяжелое. Например, In flames.

– Хм... никогда не слышала. Давай послушаем вместе.

Ева принялась искать музыку в интернете своего телефона. Наконец, найдя подходящую композицию, она подключила телефон к портативной колонке и включила ее. Тут же учебную комнату взорвал энергичный ритм и грохот музыкальных инструментов.

– Touch Of Red, моя любимая, – сказал Макс, и непроизвольно его голова закивала в ритм песни.

– Отлично, – улыбнулась Ева, хотя было видно, что она не разделяла его удовольствие от прослушивания подобной музыки. Она взяла чистый лист и прикрепила его к мольберту Макса. – А теперь рисуй! Рисуй то, что ты на самом деле чувствуешь!

Макс удивился, но почему-то сопротивляться не стал. Он сам не понимал, какая сила заставила его взять кисть, макнуть ее в краску и нанести первый нерешительный мазок на чистый лист бумаги. Потом он нанес еще один. Промыл кисть в баночке с водой, а затем обмакнул ее в краску другого цвета и вновь сделал мазок. Он наносил мазок за мазок.

ком, с каждым разом энергичнее размахивая кистью, смело смешивая краски. В какой-то момент ему показалось, что он освободился от невидимых оков, которые до этого сковывали его руки. Он рисовал, он по-настоящему творил! А Ева зачаровано смотрела на него. Теперь все ее внимание было приковано только к Максиму и его мольберту, но Макс этого не замечал. Ему уже было все равно. Он рисовал, нет, он изливал свою душу на этот лист бумаги! Когда он закончил, то не поверил своим глазам – теперь это был не просто бездушный рисунок! Нет, это было самое настоящее отражение его души, его переживаний, в зеркале. Вся боль, все разочарование, все страхи он излил на холст.

– Это невероятно, – прошептала тихим голосом Ева. – Это... это очень красиво. И в какой-то степени пугающе. Я... я сохраню это у себя. Если позволишь.

Макс был не против. Он в последний раз бросил взгляд на свое творение – на когда-то белом холсте было изображено дерево, пылающее в адском огне, которое заполонило весь лист и, казалось, готово было вырваться наружу. Прямо в эту комнату.

Ева осторожно взяла картину, чтобы случайно не испортить ее, и, сказав, что отнесет ее в другую комнату, вышла из кабинета, оставив Максима одного. Он не знал, что заставило его нарисовать это. Неужели такой же точно огонь сейчас горит в его душе? Или, может, этим деревом является он сам, сгораемый от страсти? И что подумала Ева? Так много во-

просов, так мало ответов.

Вскоре, Ева вернулась. Она, казалось, уже переварила первое впечатление от увиденного, и ее лицо вновь сияло прежней легкой улыбкой.

– Кажется, нам пора собираться, – сказала она Макс.

– Да, пожалуй, – согласился с ней Макс и посмотрел на часы. – Уже восемь вечера. Как быстро пролетело время. Я провожу тебя до дома, если ты не против.

– Только до остановки, – улыбнулась Ева.

– Ладно, – неловко улыбнулся в ответ Макс.

На улице было холодно и темно. Снег слепил глаза, а морозный ветерок покалывал щеки. Макс поежился. До остановки было рукой подать, но ему хотелось продлить это удовольствие, погулять с Евой подольше, даже несмотря на такую холодину. Они дошли до остановки. Несколько человек уже стояли там и ждали свой автобус. Ева сказала, что стоять холодно, и Макс лучше пойти домой, но он отказался, сказав, что не замечает никакого холода. Он отчасти соврал. На самом деле, он уже почти не чувствовал рук, потому что именно сегодня случайно оставил на работе перчатки. Удивительно уже и то, что он их забыл – раньше он не замечал за собой такого.

– Макс, ты ведь придешь на следующее занятие? – вдруг спросила Ева.

– Конечно, – слегка постукивая зубами от холода, ответил Макс. – Ева... может мы с тобой посидим как-нибудь...

– Ой, Макс, кажется, это мой автобус, – неожиданно прервала его Ева. – Спасибо, что проводил. Пока.

Она улыбнулась ему, помахала рукой и зашла в полупустой автобус.

– ...в кафе, – закончил Макс, но Ева, конечно, уже его не слышала.

Тем временем, автобус уехал, оставив Макса стоять одного на остановке с дрожью в теле и нарастающей злостью на свою нерешительность.

* * *

Прошел день, наступил долгожданный субботний выходной. Традиционно, каждую субботу Макс встречался со своим старым другом Стивом в баре, находящемся, кстати, недалеко от банка, в котором Макс работает. И эта суббота была не исключением – в половину шестого вечера Макс вышел из своей двухкомнатной квартиры на пятом этаже довольно старого десятиэтажного дома. Посетовав на то, что лифт был в очередной раз сломан (куда смотрят жилищные компании? За что я деньги плачу?), Макс поспешил спуститься по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Максиму было приятно надеть на себя не строгий костюм с галстуком, чего требовал корпоративный дресс-код, а обычные джинсы и клетчатую рубашку под пальто. Он вышел из подъезда, и в его лицо сразу ударил бодрящий морозный воздух. Солнце уже практически зашло за горизонт, так что улицы освещались лишь вечерними фонарями. Дом, в котором находи-

лась его квартира, располагался в тихом спальном районе, где не было громко зазывающих ярких вывесок и шумных мест скопления людей, что не могло его не радовать. Макс любил тишину. Тишина создавала условия для эффективной работы и полноценного отдыха. Тишина позволяла углубиться в свои мысли, поразмыслить над планами или погрузиться в воспоминания. Макс шел по тихой улочке, понимая, что сейчас выйдет из своего района и с головой окунется в суету вечернего субботнего города. Ведь в выходные дни в городе никогда не бывает тихо и спокойно. Тем более, что через пару недель Рождество. Люди носятся в поисках подарков, кто-то тащит елку, где-то с громкими криками резвятся дети. Ему навстречу прошла недовольная женщина с маленьким ребенком, который нехотя плелся сзади и утирал слезы – видимо, не получил что-то сладкое или не купили желанную игрушку. Подходя к остановке, Макс увидел там скопление людей, ожидавших автобус, – и куда это все вдруг решили поехать на ночь глядя? Макс решил, что лучше, наверное, пройтись пешком. Тем более, время в запасе еще есть, да и идти не так далеко. Всего-то три остановки. Он повернулся к тротуару и неспешным шагом двинулся в сторону бара. Он шел и смотрел по сторонам – справа крупный продуктовый магазин заманивал потенциальных покупателей большими предпраздничными скидками. Чуть дальше вывеска над залом игровых автоматов зазывала людей попытаться счастья перед праздником. «Больше денег – больше подарков!».

Как же много людей, понадеявшихся на удачу, проигрывали почти все деньги... Кто-то, конечно, все-таки выигрывал, но таких счастливиц было, увы, единицы. Макс никогда не ходил по таким заведениям. Он ценил деньги. Ведь они никогда не доставались ему легко.

Макс перешел дорогу и оказался на улице, которая вела к бару, в котором, наверняка уже сидел Стив и попивал первую кружечку пива. А, может, уже вторую. Вдруг, телефон Макса зазвонил. Это был Стив.

– Алло, Макс, привет, – сказал Стив. Было слышно, что он взволнован и раздосадован. – Макс, извини, тут такая ситуация... только что позвонили с работы и сказали, что я срочно нужен в своей конторе. Пришел недовольный клиент... у него какие-то проблемы с судебными приставами. Деталей не знаю. В общем, я уже туда еду. Прости, Макс, но нашу традиционную встречу придется, видимо, отменить.

Макс сказал, что все в порядке, и пожелал другу поскорее решить проблему. Пока он говорил со Стивом, не заметил, как прошел дальше и оказался напротив кафе, в котором совсем недавно встретил Еву. «Ну, коль встреча со Стивом сорвалась, почему бы не посидеть в кафе и не выпить чашечку кофе», – подумал Макс. Тем более, на улице было холодно, а идти обратно домой просто не хотелось.

Макс зашел в кафе и огляделся в поисках свободного столика. Людей в кафе было довольно много. Все оживленно беседовали, создавая своими голосами легкий звуковой фон,

как шум завывающего ветра за окном. К нему тут же подбежал слегка запыхавшийся официант и предложил единственный свободный столик в дальнем конце помещения. Макс посмотрел в ту сторону и увидел... не может быть! Это Ева! Она сидела за дальним столиком у окна, совершенно одна, и пила кофе. Макс, не веря своим глазам, повесил пальто на вешалку, поправил волосы, и несмело направился к ней.

– П-привет, – несмело поприветствовал Еву Макс, подходя к ней.

Ева подняла глаза и от неожиданности чуть не опрокинула на свой белый свитер кофе.

– Макс, какой сюрприз! – удивленно воскликнула она. – Ты просто так зашел или у тебя встреча назначена?

– Я...я просто шел мимо. Намечалась встреча с другом, но увы, у него какие-то неприятности на работе, и встречу пришлось отменить.

– Как жаль...Надеюсь, у него ничего серьезного не произошло?

– Нет, просто клиент срочный, что ли. Можно мне присесть?

– Конечно, – улыбнулась Ева. – Выпьешь со мной чашечку кофе?

– Да, пожалуй.

Макс жестом попросил официанта подойти.

– Двойной эспрессо и...

– Попробуй черничный маффин, – посоветовала Ева. –

Здесь делают просто великолепные черничные маффины.

– ...и маффин, пожалуйста, – закончил Макс.

Официант кивнул и ушел выполнять заказ. Ева посмотрела на Макса.

– Приятно удивлена тебя здесь видеть, – сказала она. – Ты часто здесь бываешь?

Макс замялся.

– Бывал пару раз.

Конечно, бывал он здесь не пару раз. Стоит только вспомнить, сколько раз он здесь сидел, карауля ее, но, естественно, об этом он сейчас вслух вспоминать не будет.

– Здесь замечательно, – сказала Ева. – Я хожу сюда каждую субботу и иногда после работы, чтобы выпить ванильный капучино и отведать чудесный черничный маффин. Ты ел его здесь?

– Нет, ни разу не пробовал.

– Тебе он обязательно должен понравиться. Такой вкус, аромат... ммм...

От удовольствия Ева закрыла глаза.

– Давно ты работаешь в студии рисования?

Оказалось, Ева работает там уже три года, а до этого трудилась в местном институте искусств, который ранее окончила с отличием. Помимо работы в студии, она выполняет индивидуальные заказы, которых, однако, не мало ей приходится. Особенно, перед праздниками, когда вырастает спрос на необычные подарки, типа портрета на память или просто

красивой картины. Иногда просят нарисовать шарж. Но Ева не очень это любит, так как шарж искажает истинную красоту, вынося на показ, пожалуй, самые отрицательные качества людей.

– Как дела в банке? – спросила его Ева и подмигнула. – Насколько я помню, ты успешный банкир.

Макс усмехнулся. Да, конечно, он всегда с усердием, с привитой с детства педантичностью, выполняет свою работу, стремясь подняться по карьерной лестнице, обогнав своих коллег. Но мистер Гроссман...

– Я просто работаю в банке, в кредитном отделе...

– Расскажи о своей работе, – попросила Ева.

– Да ничего особенного в ней нет... правда.

Ему не хотелось с ней обсуждать детали своей работы. Не хотелось, чтобы она думала, что он всего лишь малозначимый сотрудник, который не добился ничего, даже уважения от своего начальника. Несмотря на то, что он делал все, абсолютно все, что тот ему скажет, постоянно брал дополнительное рабочее время, чтобы перевыполнить план по кредитам, сдать отчеты быстрее, все-равно, шеф никогда не хвалил его, не предлагал повышение и не повышал жалование. Только пару раз дал отгул, да и то все-равно вызывал на работу сделать какую-то «сверх важную!» чепуху. И это за восемь лет безукоризненной службы! Еве точно этого знать не следовало. Пусть лучше думает, что он преуспевающий банковский работник или что там она думает... «успешный банкир».

Тем временем, официант принес Максу его двойной эспрессо и маффин. Макс обрадовался, что можно было уже не отвечать на вопрос и отвлечься на еду. Маффин оказался не таким вкусным, как его описывала Ева, но Макс постарался сделать вид, что этот кекс ему пришелся по вкусу. Ева, тем временем, пристально смотрела на Макса. Он редко оказывался объектом внимания противоположного пола, и не знал, что этот взгляд может означать. А еще его смущал сам факт, что красивая девушка наблюдает за тем, как он жует. Она что-то высматривает? Оценивает его? Его всклокоченные волосы из-за шапки, которые он не успел привести в порядок? Или так же, как те девушки в ресторане, пытается оценить стоимость рубашки? Не издает ли он неприличные звуки во время жевания? Не излишне ли двигает челюстями? А может быть, он слишком набил рот едой? Макс почувствовал, как начал заливаться краской.

– Не верю, что вы, мистер скрытность, такой скучный тип, – выпалила она, смотря на него игривым взглядом, и указала своим маленьким указательным пальчиком на его левое ухо. – Что ты можешь рассказать об этой дырочке на мочке?

Макс резко схватился за левое ухо, которое проколол, еще будучи студентом колледжа. Тогда со Стивом, ради шутки, после одного городского фестиваля, они на спор совершили этот глупый поступок. Но тогда это казалось очень крутым, стильным, и должно было служить приятным воспоминани-

ем о безбашенных студенческих деньках. Но прошло время, Макс устроился в банк, и ему стало казаться несолидным носить на мочке уха этот нелепый серебряный клык. Он снял его и больше никогда не надевал. А вот Стива ничего не смущало. Даже будучи весьма успешным адвокатом, он продолжал носить свой клык на ухе, снимая его только во время судебных заседаний. И то, он клал его во внутренний карман пиджака, так как был убежден, что тот приносит ему удачу.

Макс посмотрел на Еву исподлобья, слегка прищурясь, и выдал:

– Да, мадам, есть одна история... Но, если я вам расскажу ее, то придется вас убить, – он изобразил пальцами правой руки пистолет и направил на Еву.

– Пиф-паф!

Они дружно рассмеялись.

– Ева, а у тебя есть какая-нибудь интересная и запоминающаяся история со студенческих времен?

Ева хитро улыбнулась.

– Может быть и есть.

– Расскажешь?

– Когда-нибудь может быть расскажу, – продолжая улыбаться, сказала Ева и посмотрела на часы. – Ой, кажется я засиделась.

Ева позвала официанта и попросила принести счет. Они расплатились за кофе и маффины, оставив официанту приличные чаевые, оделись и вышли на улицу.

Снег мягко падал на землю, снежинки в стремительном танце кружились, искрясь в свете вечернего фонаря, под ногами хрустел снежный покров. Все создавало ощущение уюта и приближающегося праздника.

– Мне пора, – сказала Ева, посмотрев на часы.

– Я провожу...

Макс осекся, увидев, что Ева хочет что-то возразить, и добавил:

– Только до остановки.

Она кивнула.

Пока они преодолевали заснеженный путь до автобуса, Макс узнал, что иногда в свободное время Ева играет в пару его любимых компьютерных игр. А названия героев, которых она именовала «синий мужик» или «мужик в латах», его просто умиляли. Когда обсуждение дошло до одной из «непроходимых» миссий и переросло в бурный спор, Ева не заметила, как заступила на скользкий участок тротуара, и чуть было не упала, но Макс успел подхватить ее за талию и руку.

– Ты в порядке? – спросил Макс, все еще держа ее ладонь в своей.

– Да, только немного испугалась.

Они двинулись дальше, не расцепляя ладони. Сердце у Макса отбивало чечетку. Он держит ее за руку! Даже сквозь перчатки он чувствовал тепло, исходящее от ее руки. От неловкости он начал считать секунды...пять...десять...пят-

надцать... Первой не выдержала Ева. Она высвободила руку и поправила зачем-то шапку, которая, в общем-то, в этом не нуждалась.

– Вот мы и дошли, – несколько смущенно сказала Ева.

– Ну что ж, тогда до следующего занятия, – с нескрываемым волнением сказал Макс.

Он продолжал смотреть ей в глаза. Они были так близки друг к другу, что он ощущал ее дыхание, мог рассмотреть отражение света уличного фонаря в ее глазах. Он видел, как на ее ресницы падали снежинки. Он видел ее губы... он чувствовал свои губы... Он слегка наклонился к ней.

– Макс, мне пора, – сделав шаг назад, слегка дрожащим голосом сказала Ева. – Спасибо за вечер.

Она улыбнулась, махнула ему на прощание рукой, повернулась и двинулась в сторону подъехавшего к остановке автобуса. Макс тоже повернулся и направился домой, но, не пройдя и двух шагов, обернулся и крикнул ей вслед:

– Ева, а что еще ты мне порекомендуешь попробовать в этом кафе?

– Узнаешь на следующем занятии, – крикнула ему в ответ Ева и запрыгнула в автобус в тот самый момент, когда дверь уже закрывалась, и автобус двинулся в путь.

Глава восьмая. Конец декабря, 2017 год.

Оставшиеся до Рождества дни летели так стремительно и так легко для Макса, что тот даже не успевал их замечать. Раньше каждый день был похож один на другой, словно срисованный под копирку с предыдущей версии. Каждое утро ровно в шесть тридцать утра звонил будильник, призывая Макса поскорее встать с постели и взбодриться. Бодность, однако, не желала посещать его ни после традиционного утреннего душа, ни с кружкой крепкого кофе без сахара с бутербродами. Раньше его спасала сигарета, помогающая собраться с мыслями и настроиться на рабочий лад, но он уже не курит около года и не собирается возвращаться к этой пагубной привычке. Тем не менее, привычка иногда держать что-то во рту вместо сигареты привела к тому, что он, в моменты нервного напряжения, бывало скручивал какой-нибудь кусок бумажки и имитировал курение сигареты. Выглядело это сверх глупо, но ничего с этим он поделать не мог. Также он перенял одну специальную технику, о которой услышал по телевизору во время какого-то популярного телешоу. Один известный в узких кругах психолог рассказывал, что если каждое утро стоять перед зеркалом и, смотря на свое отражение, говорить себе приятные слова, типа «Ты

самый успешный! У тебя все получится!», то все именно так и будет – главное, настрой. Макс пробовал так делать. Но все, что он в зеркале видел, – это отражение довольно высокого, худощавого и слегка сутулого молодого человека с волосами цвета смолы, всклокоченными после ночного сна, и выражением лица, будто его недавно треснули по голове дубинкой, и он только очнулся, пытаясь понять, что происходит. Он рассматривал свое отражение в зеркале и думал, что просто словами поддержки самому себе тут не поможешь. После легкого завтрака Макс одевался и шел на работу. В банке время пролетало довольно быстро, так как у Макса всегда было много работы, но она перестала приносить ему удовольствие, когда он понял, что вряд ли сможет добиться чего-то большего, чем быть обычным работником кредитного отдела. После работы Макс возвращался домой, иногда заходя по пути в магазин за едой и пивом, а дома его ждал телевизор и рыжий кот по кличке Барт, в честь известного мультипликационного героя за его озорной характер. Барт и в правду был очень вредный. Однажды, Макс вернулся с работы и увидел, что одна из статуэток игроков его любимой баскетбольной команды Лос Анджелес Лейкерс была разбита, и ее осколки безнадежно разлетелись по всей комнате. Тогда Барту изрядно досталось, но Макс продолжал его любить. Барт заполнял пустоту в его жизни.

Но в последние дни все изменилось. Теперь, просыпаясь, он чувствовал непреодолимое желание жить! Да, не суще-

ствовать, как раньше, а именно жить и радоваться каждому дню! Он принимал душ, ощущая каждым сантиметром тела бодрящий поток воды, пил кофе, наслаждаясь ароматом и вкусом этого прекрасного напитка. Смотря на себя в зеркало, теперь он видел отражение не унылого неудачника, но преуспевающего молодого мужчины, подтянутого, уверенного в себе. Пропала сутулость, зато появился блеск в глазах и улыбка в тридцать два зуба (на самом деле, у Макса было не тридцать два, а всего тридцать, так как два верхних зуба мудрости ему удалили пять лет назад). И это чудо преображения, словно взмахом волшебной палочки, вселяло в Макса абсолютную уверенность в успешное осуществление всех намеченных планов. Теперь Макс ходил на работу не с тоской и мыслями о безысходности своего положения, но четко уверовав в то, что все получится! Абсолютно все!

Даже на работе заметили, что Макс сильно изменился. Каждый считал своим долгом спросить: «Макс, ты что, влюбился?», или: «Ты что, в лотерею выиграл?». На это он лишь загадочно улыбался. Он хотел делиться со всеми своим отличным настроением, но не причиной этого настроения. Все равно, в глубине души, Макс не до конца верил, что такой девушке, как Еве, мог понравиться такой мужчина, как он. Но он старался отбросить эти сомнения, и просто воспринимать это, как само собой разумеющееся. Да, раньше он не нравился женщинам. Женщины вообще не любят мужчин с низкой самооценкой, неуверенных в себе, которые всем своим ви-

дом демонстрируют неспособность управлять своей жизнью. Такие мужчины не внушают доверие. Рядом с ними не чувствуешь себя уверенно. Именно таким и был Макс до недавнего времени. Но не сейчас! Не будет больше того неудачника, того слюнтяя, того слабака! Тот Макс остался в прошлом. И все благодаря ей.

История полна примеров того, какую роль женщина-муза, женщина-вдохновительница играет в жизни мужчины. Например, известный поэт Петрарка посвятил более трехсот сонетов единственной женщине своего сердца – Лауре де Нов, близости с которой, кстати, он так и не познал, так как она не была его супругой. А история о Елене Троянской, которая стала причиной развязывания целой войны! Женщины во все времена имели огромное влияние на мужчин. Даже на правителей. Взять, к примеру, маркизу де Помпадур, которая, будучи любовницей короля Франции Людовика Пятнадцатого, смогла настолько завоевать его сердце и заполнить собой его сознание, что в итоге стала одной из главных его советников во всех важных государственных вопросах! И таких примеров великое множество. Не сказать, что пример с Максом можно поставить в один ряд с вышеперечисленными, но в масштабах одного человека Ева стала той самой музой, которая вдохнула в него жизнь.

Макс подумал, что если бы он мог, то непременно написал в ее честь сонет, или нарисовал картину, или даже, чем черт не шутит, победил бы в войне! Картину... Точно! Он

нарисует ей картину! Ее портрет! Это будет отличный подарок ей на Рождество! Хоть и осталось совсем немного времени, но он постарается успеть. Он начнет прямо сегодня! Макс подумал еще немного, сопоставил свои возможности, уровень мастерства, оставшееся время, и решил, что нарисует ее портрет карандашом на листе бумаги.

Вечером, вернувшись домой, Макс, быстро поужинав овощным салатом и сосисками, немедленно принялся за работу. Взял чистый белый лист бумаги, наточил карандаши, которые остались у него еще со времен колледжа, и отыскал ластик. «Чувствую, без тебя, мой друг, мне не обойтись», – шутливо обращаясь к ластику, сказал Макс. Мольберта в его квартире не нашлось, однако в спальне стоял довольно удобный компьютерный стол с просторным рабочим пространством. Там он и решил творить шедевр. Макс сел и задумался. А как именно изобразить Еву? Рисовать из головы он не умел, точнее, никогда не пробовал. А ее фотографий у него не было. Как же быть? Жаль, что он не сфотографировал ее во время занятий. Столько возможностей у него было... Вдруг, его осенило! Интернет! Наверняка, на сайте этой школы есть фотографии преподавателей! Макс включил компьютер, дождался, когда тот загрузится, и открыл окно браузера. В поисковой строке он набрал название школы, и первая же ссылка оказалась нужной. Макс зашел в раздел «преподаватели». Их было всего трое. Эндрю Грин, молодой брюнет лет двадцати семи с белоснежной улыбкой и

родинкой на носу, Элизабет Херли, строгая на вид женщина с седыми волосами, собранными в пучок, и Ева Адамс. На фотографии она выглядела еще моложе, чем сейчас. Слегка наклонив голову на бок, она мило улыбалась, а ее густые медово-рыжие волосы спадали на плечо. Да, именно то, что нужно! Макс сохранил фотографию в память компьютера и открыл ее на весь экран. На его широкоформатном мониторе можно было рассмотреть каждую веснушку на ее щеках. Макс несколько минут сидел и просто пялился в экран, любясь фотографией. Он уже успел забыть, зачем искал ее. Она нужна была просто для того, чтобы смотреть на нее, не отрываясь, и получать удовольствие от процесса. Как жаль, что это всего лишь фотография, а ее владелица сейчас так далеко... Где же она? Знать бы, где она живет... Оторвавшись, наконец, от экрана монитора, Макс бросил взгляд на пустой лист бумаги, лежащий перед ним, и вспомнил, что намеревался сделать. Фотография есть, осталось лишь создать ее копию на бумаге с помощью простого карандаша. Задача оказалась не самой простой. На занятиях они еще не дошли до изображения человеческого тела, так что Макс пришлось изрядно покорпеть. Битый час Макс пытался изобразить идеальный контур лица, форму носа и рта, совпадающие с оригиналом. Он вынужден был сменить несколько листов бумаги, так как прошлые он испортил своей мазней. Он был настолько увлечен процессом, что не обращал внимания ни на что, лишь только однажды отвлекся на кота, которо-

му забыл положить еду в миску. Макс долго выводил контуры глаз, тщательно вырисовывал зрачки, стараясь, чтобы каждая деталь, каждая линия соответствовала действительности. Так Макс проработал до полуночи, однако результат был еще очень далек от совершенства. Тем не менее, Макс был доволен – начало положено! С этими мыслями он вложил портрет в папку и спрятал ее в полку, где хранил документы и ценные бумаги. Затем разделся, принял теплый душ и лег спать, моментально погрузившись в глубокий сон, полный романтических переживаний. А Барт свернулся у его ног, тихонько похрапывая. Ему, наверное, тоже снилось что-то приятное.

* * *

Стремительно приближалось Рождество. Макс успешно сдал годовой отчет. Впервые за долгое время мистер Гроссман вызвал Макса к себе в кабинет не для того, чтобы нагрузить новой работой, но похвалить:

– Молодец, парень, – воскликнул он своим хриплым басом, когда Макс зашел в его кабинет. – Ты отлично справился со своей работой. Я подумываю повысить тебе жалование!

– Спасибо большое, мистер Гроссман!

От такой неожиданно свалившейся на голову приятной новости у Макса аж сперло дыхание. Он давно хотел просить шефа о повышении зарплаты, но, чтобы сам шеф предложил... такое Макс даже не снилось!

– Можешь сегодня уйти домой пораньше, я разрешаю! –

сказал мистер Гроссман.

Макс еще раз поблагодарил шефа, не веря такой невероятной щедрости, и поспешил вернуться к себе в офис, чтобы поскорее собрать вещи и одеться. Сегодня он идет на последнее перед Рождеством занятие по рисованию, поэтому хотелось еще успеть заскочить домой и перекусить.

Все это время Макс продолжал ходить на занятия Евы, и, надо сказать, у него отлично получалось. Они продолжали периодически видеться в кафе, беседуя на отвлеченные темы. Казалось, Ева старательно избегала разговоров о своей личной жизни, о своем прошлом. Но Макс не напирал на нее. Он понимал, что она его еще толком не знает, чтобы вот так взять и рассказать ему все о себе. Ей нужно дать время.

Сегодня ровно в шесть часов Макс сидел в кабинете рисования вместе с китайской парочкой, бабушкой, домохозяйкой и юным гением, и слушал, как все они делятся друг с другом своими планами на Рождество.

– Что касается меня, то мы с моим муженьком полетим в Новую Зеландию! – блаженно улыбнувшись, сказала миссис Хьюстон. – Он, конечно, бывает ворчливым чурбаном, но на все готов ради меня. А я всегда мечтала побывать там, где снимали мой любимый фильм. Кто знает, может быть мне повезет, и я увижу тех странных существ... как их там... они еще в норах жили... ну вы поняли.

«Она серьезно? Это она о хоббитах? Совсем крыша на старость лет поехала», – подумал Макс.

– Как здорово! – прошебетала Ким. – А мы улетаем в Китай к родственникам на неделю. Так давно там не были.

– А мой еще не решил, чем мы будем заниматься, – недовольно буркнула Клэр, когда дошла очередь до нее делиться своими планами. – То говорил, что в Испанию, то в Милан, то на Карибы. Теперь у него появились какие-то дела по бизнесу. Ну какие могут быть дела под Рождество?

Джордж поведал всем, что на Рождественские каникулы поедет домой к родителям, так как, оказывается, он родился совершенно в другом штате, а сюда приехал учиться, и в настоящее время живет у бабушки.

Когда настала очередь Макса, в кабинет очень вовремя зашла Ева, и, к счастью, ему не пришлось отвечать на вопрос, так как ни с кем не хотел делиться своими планами. Да и не было у него никаких определенных планов. Он еще сам не знал, как будет отмечать Рождество. Но сегодня все прояснится. Во всяком случае, он на это крайне рассчитывал. В конце концов, до Рождества оставались считанные дни... даже не дни, а часы!

Занятие тянулось, как казалось Макс, очень медленно. Он нервно ерзал на стуле, периодически поглядывая на часы на своем левом запястье. Сегодня рисовали натюрморт: хрустальная ваза с фруктами и кувшин, стоящие на белой ажурной скатерти. Как ни бился Макс над передачей объема, у него ничего не получалось. Кувшин упорно оставался плоским, будто специально зачем-то выставленный макет.

За пятнадцать минут до конца занятия Макс в конец отчаялся, и, опустив кисточку в банку с водой, сидел и смотрел в окно. Было уже темно, но яркий свет уличных фонарей и украшенные гирляндами дома освещали улицу и создавали праздничное настроение. Наконец, стрелки часов остановились на отметке семь часов тридцать минут, что ознаменовало окончание занятия. Так как это было последнее занятие в этом году, все поздравили друг друга с наступающим Рождеством и быстро разошлись, спеша кто куда: кто по магазинам – докупить подарки или праздничные угощения на стол, а кто просто насладиться предпраздничной атмосферой дома с любимым человеком. Макс никуда не торопился. Он жутко нервничал. Ведь сегодня он предложит ей встретить Рождество вместе.

– Ева, посидим сегодня в кафе? – спросил ее Макс, когда та убрала в ящик скатерть, оставшуюся лежать на столике, на котором еще несколько минут назад стояла фруктовая ваза и кувшин.

Ева почему-то замялась.

– Ммм... Макс, я сегодня не могу, – сказала она с нескрываемым смущением.

Макс удивился. Что случилось? Он что-то не так сказал? Чем-то ее обидел?

– Эммм... я просто хотел... завтра ведь сочельник, верно? И я хотел предложить тебе встретить его... вместе.

– Макс, это ведь семейный праздник, так ведь? – полуше-

потом спросила она недоумевающего Макса.

– Ну...да, – пробормотал он.

– Почему бы тебе не отметить его со своей семьей? С теми, кого ты хорошо знаешь, любишь?

– Но я... – он вовремя осекся, осознав, что чуть не ляпнул «Я люблю тебя!». А ведь в какой-то степени она права. Он ведь совсем ее не знает. Да, они несколько раз сидели в кафе и пили кофе, общаясь на разные темы, но Макс так и не узнал ничего о ее жизни, о ее личной жизни... Ева, будто прочитав его мысли, слегка дрогнувшим голосом сказала:

– Макс, я обещаю честно ответить на три твоих вопроса. Но только на три. Задавай, какие хочешь.

Макс задумался. Первый вопрос возник в его голове спустя несколько секунд, и он, не задумываясь, спросил:

– Ева, я тебе нравлюсь?

Ева, не колеблясь, ответила:

– Да, Макс, ты мне нравишься.

«Фух, уже легче», – с облегчением подумал Макс.

Второй вопрос...

– Ева, у тебя уже есть планы на Рождество?

Макс надеялся, что она отрицательно покачает головой и скажет нет. Но она медленным кивком головы развеяла все его надежды.

– Да, Макс, у меня уже есть планы.

У Макса защемило сердце. Ему стало тесно, душно в этом кабинете. Но остался еще один вопрос. Последний... Макс

знал, что надо спросить. Так не хотелось задавать этот вопрос, не хотелось слышать горькую правду. Потому что в глубине души Макс знал на него ответ.

– Ева... – теперь дрогнул голос Макса. – Ты замужем?

Ева опустила глаза, и Макс заметил, как они у нее заблестели. По ее щеке скатились первые слезы. Ему уже не нужен был ее ответ. Он все прекрасно понял и без слов. Он почувствовал, как начал задыхаться, будто десятки железных обручей сковали его грудь. Ева подняла взгляд на Макса, и не в силах больше сдерживаться, заплакала, закрыв лицо руками. Макс стоял, как вкопанный, не в силах пошевелиться. Он смотрел, как ее голова содрогается в рыданиях, и ему хотелось подойти и обнять ее, успокоить. Но он не мог заставить себя это сделать. Его ноги будто налились свинцом, голова гудела, а в груди нещадно щемило. Наконец, когда Ева немного успокоилась, она твердым голосом ответила:

– Да, я замужем.

Этой ночью двое не спали. Конечно, не спали, наверное, многие. Не спали, например, медработники, заступившие на ночное дежурство в больнице, полицейские, патрулирующие ночные улицы во имя сохранения общественного порядка, и еще много кто. Но они не спали, так как долг не позволял им этого. Но у этих двоих сна не было совсем по другой причине.

Ева лежала в кровати рядом с тихо похрапывающим му-

жем. Ее голову разрывала сильная боль, которую она не смогла купировать двойной дозой обезболивающих. Она думала о том, что Макс такой добрый и искренний, а она обманывала его, не раскрывая ему свой секрет до последнего. Заслужил ли он этого? Что будет дальше? Пострадает, помучается, но вскоре забудет ее и будет жить дальше, как жил? Встретит другую женщину, у которой не будет от него никаких тайн? И будут они жить долго и счастливо, пока не умрут в один день, как в сказке? Ева поняла, что вряд ли уже сегодня сможет заснуть. Она тихо встала с кровати, стараясь случайно не разбудить спящего мужа, и пошла на кухню заварить успокаивающий чай с мелиссой и мятой. Кухня будто являлась отражением ее творческой натуры. Она сама лично занималась ее декором, сделав из нее диковинку, настоящим украшением квартиры, куда всегда хотелось возвращаться. Она была очень светлой и, несмотря на относительно небольшие габариты, обставлена так, что создавалось впечатление объемного пространства. В ней чувствовалась свобода, простор и невероятный уют. Ева подошла к белоснежно сверкающей плите и, включив конфорку, поставила на нее чайник. Голова продолжала гудеть, и Ева открыла форточку, чтобы впустить в кухню немного свежего воздуха. Кухня стремительно стала наполняться морозной освежающей прохладой, и Ева, сделав глубокий вдох, наполнила легкие свежим воздухом, отчего ей стало легче. Она сделала еще пару глубоких вдохов и выдохов, и, окончательно придя в себя, закрыла фор-

точку, чтобы не простудиться. Она посмотрела в окно. Из него виднелись такие же красивые двухэтажные дома, похожие на тот, в котором жила она. Ее дом располагался в тихом пригородном районе, где жили, преимущественно, богатые люди, которые могут позволить себе наслаждаться тишиной в относительной дали от городской суеты и шума. Каждый дом здесь в это время года украшался жильцами многочисленными фонариками, гирляндами и другими атрибутами праздника. Ева тоже украсила свой дом. На каждом окне она нарисовала смывающимися красками Санта-Клауса, снеговика, рождественского оленя или украшенную елку. Вместе с мужем они развесили яркие гирлянды на стенах снаружи, которые в вечернее время включались на радость себе и соседям. Ведь так приятно выглянуть в окно и увидеть такую рождественскую красоту! А еще она нарядила маленькую елочку, растущую прямо перед их домом. И рядом с ней поставила полуметровую фигуру Санты, возле которого местная детвора слепила снеговика для полной картины. Сейчас Ева смотрела на эту красоту и ей становилось легче. Но потом она вспомнила, как Макс предложил ей встретить Рождество вместе. Зачем? Зачем он ей это предложил? Ведь он ее даже не знает. А, сейчас, видимо больше не захочет с ней видеться. От этой мысли Ева почувствовала подступающий комок к горлу и выпила воды, пытаясь таким образом остудить чувства. Снежинки в медленном вальсе кружились за окном, а в душе у Евы разыгрывалась целая буря. Ведь

она замужем! Зачем ей вообще понадобилось знакомиться с ним, проводить с ним время в том кафе? Она больше никогда туда не пойдет! Оно всегда будет напоминать ей о нем. О тех моментах, когда она чувствовала себя... счастливой, свободной, будто лишенной оков. Ей вдруг захотелось начать немедленно все крушить и ломать, лишь бы выплеснуть накопившиеся внутри эмоции, но она сдержала себя. Наконец, чайник закипел, и Ева заварила себе успокаивающий чай. Глоток за глотком, она чувствовала, как веки ее тяжелеют, а голова становится легче, будто освобождаясь от тяготящего груза. Она допила чай и вернулась в спальню, где ее муж уже видел десятый сон. Положив голову на мягкую подушки и укрывшись теплым одеялом, Ева немедленно погрузилась в глубокий сон.

* * *

Макс тоже не мог заснуть. Он смутно помнил, как дошел до дома, как выпил пару бутылок пива, а, может, чуть больше. Он лежал на застеленной кровати, в рубашке и джинсах, так как не было сил переодеться, и думал о том, что, видимо, это его судьба – быть одиноким старым волком, никому не нужным. Он думал о том, что судьба в очередной раз произдевалась над ним, лишь на секунду дав шанс, подарив ему такую прекрасную девушку, а потом в один момент забрала все, приговаривая: «Помни, кто ты, и где твое место!». И почему же он сразу не спросил, замужем ли она? Кольца он на ее пальце не заметил. Хотя, признаться, просто не обратил

внимание. Да и не обязательно ведь люди носят кольца. Вот, Стив и Оливия вообще колец не носят. Вместо этого они сделали татуировки на левом запястье в виде фразы «Una In Perpetuum», что с латыни переводится как «Вместе навсегда». Стив говорит, что кольцо можно потерять, пропить, сломать, а вот татуировка останется с ними навсегда, как и они друг у друга. Макс подумал о них и невольно улыбнулся. Хоть им повезло друг с другом. Завтра, в сочельник, наверняка, сделают последние приготовления, сядут вечером в красиво украшенной гостиной за стол, выпьют по бокалу горячего глинтвейна, загадают желание, которое обязательно сбудется, а на утро подарят друг другу подарки. Они, по традиции, и Макса пригласили отпраздновать Рождество с ними, как в прошлом году, и позапрошлом, но Макс обычно заезжал к ним с утра на часок подарить подарки, выпивал бокал глинтвейна с кусочком чудеснейшего традиционного апельсинового пирога с корицей, и уезжал к родителям, которых он и без того редко навещал из-за постоянной занятости. Его родители – люди очень набожные. Поэтому в этот день с раннего утра они уходили на праздничную службу, и задерживались там до самого полудня, так что Макс не боялся опоздать. Он не перенял от родителей их набожности, что немного расстраивало его мать, но та успокаивала себя тем, что ее молитв хватит и на сына.

Макс подумал, что в этом году мать особенно оценит его подарок – это золотой крестик из самого Ватикана, который

он заказал привезти Стиву, пока тот отдыхал с женой в Италии и, конечно, не мог отказать себе в удовольствии посетить святую святых всех католиков. Крестик был аккуратно уложен в подарочную коробочку и лежал рядом с другими подарками. Среди них был новый спиннинг для отца – любителя порыбачить, но его старый спиннинг уже не выдерживал нагрузок. Там же подарки для Стива и Оливии – серебряные запонки для Стива и для Оливии набор ее любимых кремов для тела (спасибо Стиву за подсказку). И тут Макс вспомнил о портрете, который хотел подарить Еве на последнем занятии. Уходя из кабинета, в момент наивысшего разочарования, он смял его и кинул в угол, целясь попасть в стоящее там мусорное ведро, но не попал, и смятый лист остался лежать на полу. Макс вновь почувствовал себя полным дураком. Когда же он поумнеет? Когда перестанет верить в чудеса?

Макс встал с кровати и поплелся на кухню, чтобы сварить себе кофе – все равно он больше не заснет. К тому же, голова после нескольких выпитых бутылок пива гудела. Надо было себя немного взбодрить. Пока грелся чайник, Макс принял душ, наконец сняв с себя уличную одежду. Переодевшись в свежий домашний халат, Макс почувствовал себя лучше. Сделав чашечку растворимого кофе, он поплелся в гостиную, чтобы насладиться напитком, сидя в мягком кресле и наблюдая, как светится, переливаясь разноцветными огоньками, гирлянда на елке. К Максиму стало

постепенно возвращаться праздничное настроение, когда он подумал, что несмотря ни на что, не произошло ничего настолько ужасного, что могло перечеркнуть всю его жизнь. Так же, как и раньше, завтра вечером он под традиционные рождественские песни откупорит бутылочку вина, пожарит праздничный стейк (не совсем, конечно, соответствует традиции празднования Рождества, но у Макса были свои традиции, выработанные годами), поделившись, конечно, кусочком свежайшего сырого мяса с Бартом, и загадает желание. Он еще не знал, какое оно будет. Точнее, уже не знал, так как еще сегодня утром он был абсолютно уверен в своем желании, но после последнего разговора с Евой... Макс, не торопясь, пил кофе, который растекался по телу, неся с собой тепло и успокоение. Когда на дне кружки остались лишь капли, Макс уже чувствовал, что сон вплотную подошел к нему и гонит его обратно в кровать. Недолго думая, Макс снял халат и, вернувшись в спальню, плюхнулся в объятия одеяла и мгновенно уснул.

Глава девятая.

Сочельник, 2017 год.

Ева проснулась от того, что лучи солнца, проникнув сквозь не зашторенное окно спальни, заиграли на ее лице, стремясь попасть прямо в закрытые глаза. Ева сладко потянулась и, открыв глаза, увидела, что мужа в постели нет. Она бросила взгляд на будильник, стоявший на прикроватной тумбочке со стороны мужа – почти девять часов утра. Ева встала, накинула на себя халат и, заправив кровать, спустилась на кухню. Сегодня предстоял долгий день. Несмотря на сочельник, настроение у нее было отнюдь не праздничное. Вечером они с мужем собираются ехать в гости к его родителям. Не сказать, что Еве уж очень этого не хотелось, но так вышло, что отношения с родителями мужа у нее сразу не сложились. Дело в том, что ее муж – выходец из семьи врачей, где отец – потомственный нейрохирург, а мать – невролог. И он сам пошел по стопам родителей. Конечно, те ожидали, что в супруги себе он выберет кого-то под стать своему «высокому положению в обществе», как и принято было в их семье. Но его выбор пал на скромную выпускницу института культуры, художницу, хоть и талантливую, но все же, как любит замечать его отец, тратающую свою жизнь и жизнь его сына впустую. Ева старалась не замечать подобные нападки,

тем более, слышала она их, к счастью, крайне редко – они приезжали к его родителям только по большим праздникам, пару раз в год, а те и вовсе никогда не навещали их. Хотя, со свекровью она более-менее ладила, но все же была рада возможности видеться с ними как можно реже. Но сегодня именно тот день, который надо просто пережить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.